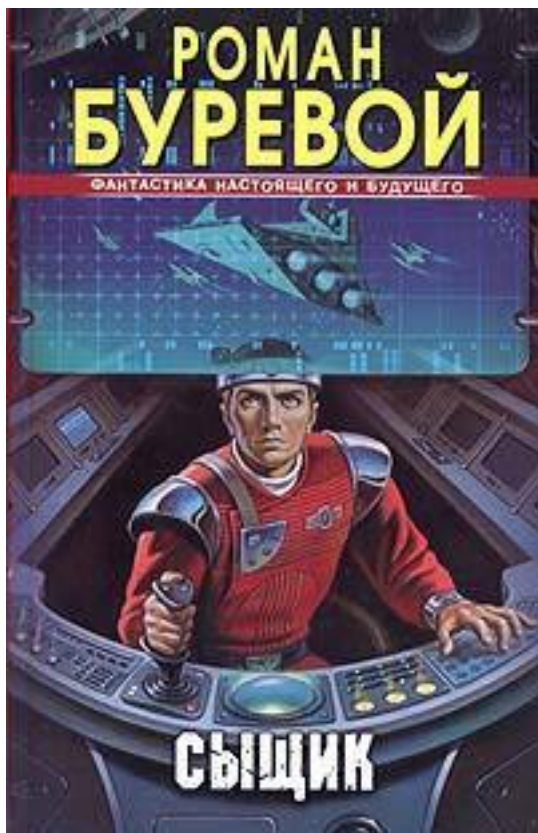

РОМАН БУРЕВОЙ

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

СЫЩИК

Роман Буревой

СЫЩИК

Серия «СЫЩИК», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129857

Аннотация

Его предали и продали. Рожденный, чтобы править, он рос рабом на захолустной планетке. Но он сумел бежать и снова стал тем, кем должен был стать по праву рождения: Марком Валерием Корвином, патрицием с планеты Лаций, генетическим сыщиком, способным распутать любое преступление. Пора платить по счетам!

Содержание

Пролог	4
Книга I	33
Глава I	33
Глава II	105
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Роман Буревой

Сыщик

Пролог

Двери библиотеки, как всегда, раскрылись медленно, с неохотой. Будто управляющий чип раздумывал – пропускать гостя внутрь, или не удостоить. Темные дубовые панели чередовались с бликующими полотнищами либертинского стекла. Только в библиотеке сохранился старинный паркет со времени постройки усадьбы, составленный из трех сортов древесины: из темного, с лиловым оттенком, местного дуба, из оранжевого ореха, растущего в северных лесах Психеи, и из очень светлой древесины императорского кедра, который на Неронии давно истребили.

Князь Сергей шагнул к письменному столу. На дубовой столешнице лежала стопка белоснежной бумаги, в серебряной подставке красовалось не меньше десятка различных ручек: отец любил писать на бумаге по старинке и делать зарисовки пером. Стол, формой похожий на посадочный комплекс “Святогор” тоже был сработан под старину. Под тот уже былинный девятнадцатый век земной эпохи, одно упоминание о котором вызывает у граждан Китежа приятный холодок под ребрами. Даже панель управления на столе ста-

рого князя замаскировали под старинный письменный прибор. Приходилось снимать массивную бронзовую крышку, чтобы добраться до управляющих голограмм. Сергей коснулся крайней. Никакого ответа. Значит, отец все еще сердится. Глупо. Отец требовал от него невозможного. Лишь потому, что слишком его любил.

– Этого следовало ожидать! Патрицианки никогда не выходят замуж за инопланетников! – крикнул Сергей, хотя старый князь отлично его слышал, кричать не было никакой надобности.

Да, слышал прекрасно. Но не отвечал. Потому что нечего было ему сказать. Спору нет, план был изысканно-дерзкий, но какой толк переживать по поводу того, что утрачено? Нет, так нет... Молодой князь не собирался сам себя мучить.

Сергей прошелся вдоль полок, рассматривая корешки книг, не зная, какую выбрать. Книги были старинные, бумажные, помещенные в новенькие переплеты с голограммными обложками. Впрочем, не все. Попадались и старинные переплеты из картона. Поселенцы Китежа питали почти мистическую страсть к бумажным книгам. Литература на пентаценовых пленках вроде как и не считалась уже литературой.

Сергей просунул ладонь сквозь либстекло, вынул том наугад. Перелистал. Стихи. Вот угораздило! Отвергать сходу – неприлично. Как если бы женщина сама призналась в любви. Он зажал томик под мышкой и вышел из библиотеки на

террасу. На круглом деревянном столике прислуга расставила тончайшие фарфоровые чашки и тарелочки, похожие на цветочные лепестки. Курился паром серебряный кофейник. Сергей обернулся. В комнатах отца окна переведены в непрозрачный режим. Старый князь еще не выходил из своих покоев. По утрам он, лежа на диване, общается по галанету с другими князьями. Нынешним утром они наверняка обсуждают возвращение Сергея и сорвавшееся сватовство. Не так планировал князь Сергей провести отпуск на Китеже. Совсем не так.

Сергей залпом выпил кофе, положил в рот, не жуя, бутербродик с красной икрой (говорят, местная икра по вкусу ничуть не уступает земной), и спустился с террасы. Дорожка почти сразу раздваивалась: левая шла в ухоженный парк с фонтанами, а правая – в лес, к реке. Сергей выбрал ту, что выводила к реке. Солнечный свет (вернее, свет Ярила), пронизывал редкий сосновый лес. В густом малиннике кто-то подозрительно сопел и возился. Судя по беспардонной наглости – озерные мишки. Размером они не больше собаки, и для человека не опасны. Но иногда кусаются пребольно – зубы у них мелкие и острые. Вообще-то в озерах они не живут, а лишь наведываются на мелководье ловить рыбку, но так повелось, что на Китеже любая местная тварь носит название озерной либо речной.

Да, не так планировал капитан “Изборска” долгожданный отпуск. Заранее приготовил яхту, чтобы плыть вдоль изви-

вистых берегов Светлояра. Планировал показать Эмми знаменитые озерные города. А потом провести недельку на Южном побережье. В это время года яхты там стоят вплотную друг к другу. Вслед за сыновьями Великого князя слетаются в белостенные гостиницы певцы, музыканты, программеры синтезаторов... Все те, кто создает призрачный мир Видео галанета.

Но яхта Сергея все еще на приколе, а сам он сидит в фамильном поместье и выслушивает ворчанье отца за обедом. А все потому, что Эмми сказала ему “нет”. Без объяснений! Сергей готов был поклясться, что понравился девчонке с первого взгляда. Более того – она в него влюбилась по уши. Но все равно не следовало при ней называть ее отца упертым стариканом? Князь Сергей так глупо сорвался! Но как еще он мог назвать командира “Сципиона”, если тот поручил ничего не смыслящей девчонке транспортный звездолет. Впрочем, командир летающей крепости “Сципион” в свою очередь обозвал Сергея безумцем. Кто бы спорил! Князь Сергей нарушил не меньше десяти пунктов устава, когда вывалился на “Изборске” из нуль-портала под носом у всего Лацийского флота. Но статус союзника – Сергей был уверен – не дал бы лацияцам нанести удар по кораблю китежан “Искины умнее людей, запомните это, лоботрясы!” – втолковывал курсантам академии полковник Извольский на первом курсе. У Сергея просто не было времени посылать превентивный зонд. Кроме того, капитан “Изборска” не мог отка-

зять себе в удовольствии лично сообщить командиру линкора, что его дочь жива и находится на борту “Изборска”. Да, князь Серей безумен. Потому что безумием было сражаться с двумя анималами! И безумие вдвойне – спасать под огнем экипаж наполовину сожженного транспортника. Но лишь благодаря безумию капитана «Изборска» Эмилия осталась жива.

Тропинка вывела Сергея на берег реки. Среди зарослей местной ивы с сиреневой, в красных прожилках, листвой белела ажурная деревянная беседка. Несколько крошечных, только что посаженных елок казались изумрудными на фоне ивовых кудрей. К воде шел выложенный известняковыми плитами спуск. Вода здесь была прохладной в любую жару: с уступа в глубокую известковую чашу рушился говорливый водопад. Если взбежать по деревянной лестнице, то можно прыгнуть с уступа в синюю чашу, нырнуть в глубину и...

Сколько раз в детстве Сереженька и Костя проделывали это наперегонки. В летние каникулы приглашали друзей из гимназии отдохнуть в усадьбу неделю-другую. Сталкивали друг друга с уступа. Прятались по очереди за стеной водопада, пугали девчонок.

Сейчас в одиночестве прыгать не хотелось. Сергей вздохнул и свернул в беседку, немного поколдовал с пультом, выбирая то пушистые ковры, то просторное ложе с подушками. Остановился на ложе и на подушках. Растянулся, открыл книгу... Но читать не смог.

Эмми... Ему казалось, что только вчера он внес ее на руках на спасательную палубу “Изборска”. Не потому, что она была ранена или контужена. Нет. Просто смертельно испугана. Скажите, как можно было поручать этому ребенку пилотировать транспортник в секторе, где полно анималов? Она числилась на транспортнике капитаном и одновременно первым пилотом. Второго пилота пришлось вылавливать из космической мерзлоты по частям. Вперемежку с ошметками анимала.

Эмми, она была его добычей, призом, русалкой, мавкой. Если в космосе, конечно, обитают русалки. На Китеже русалками называют тех бледных полупрозрачных тварей, что живут в черных водах северных озер подле самого Дышащего океана. Однажды Сергей с отцом и Контантином летал туда на флайере. Гладкий и совершенно прозрачный лед, под его толщиной вода казалось черной. В этой черноте колыхались бледные, с зеленоватым ореолом студенистые, почти человеческие тела...

Нет, с чтением ничего не выйдет. Сергей отшвырнул книгу. Лучше подняться наверх и прыгнуть с обрыва. Пусть в одиночестве. Несколько секунд полета... и ледяная глубина... синяя хмарь... известковая чаша... Разумеется, это лишь имитация риска. В случае опасности включатся амортизаторы. Но если забыть про защиту, можно подумать, что, в самом деле рискуешь.

Сергей повесил шорты на ветку ивы и взбежал по лест-

нице через три ступеньки, из густой прохладной тени – под жаркий свет Ярила. Перед ним открылись зеленые луга, разрезанные синим лезвием реки. Синева, в белых завитках от бегучей воды, обрывалась водопадом. Сергей вошел в реку по колено – поток менялся с каждым мигом: то теплый, то прохладный, то обжигающе ледяной. Молодой человек немного постоял у самого края, противодействуя напору реки, который упрямо, хотя несильно толкал его с обрыва, и прыгнул. Тело ножом разрезало воду и ушло в глубину. У самого дна перевернулся, оттолкнулся от известковой чаши, ощутив толчок амортизаторов. Озерным драконом выпрыгнул на поверхность и нырнул вновь. В два взмаха доплыл до берега и встал на дно. Вода доходила ему до пояса.

На берегу, на узенбкой скамеечке, что окружала толстый седой ствол земной ели, сидела Эмми. Выющиеся волосы патрицианки сейчас казались темными, хотя Сергей запомнил их медно-рыжими. Во всяком случае, в свете корабельных ламп они выглядели бесстыдно рыжими. Теперь на девушке вместо форменного комбинезона была зеленая блуза и очень короткие шорты. На ногах – сандалии-лианки, что сами обвиваются ремешками вокруг ног и сами спадают со стопы, повинувшись приказу. Она смотрела на Сергея, будто видела его впервые. Да так оно и было: прежде он являлся перед ней либо в боевом скафандре, либо в защитном комбинезоне. А во время последней встречи – в военном мундире Китежа, сине-зелено-белом, с неудобным высоким воро-

том, с густым золотым шитьем, от которого мундир делался тяжелее боевого скафандра.

– У нас сегодня, как я погляжу, встреча без мундиров, не так ли, первый пилот? – Сергей засмеялся и откинул со лба длинные мокрые пряди светлых волос.

– Мой у меня в багаже, – последовал ответ.

– Как ты сюда попала?

– Проще простого, ваше сиятельство. Сначала на пассажирском лайнере добралась до Китежа, далее на флайере. И, наконец – дошла ножками. Это ваше? – Она сняла с ветки шорты Сергея.

– Брось сюда! – потребовал он.

– Я подумаю.

– погоди! Я могу ведь и так выйти...

– Ну, испугал! Держи! – она швырнула ему шорты. Разумеется, те упали в воду.

Сергей поймал одежду под струями водопада, пока ее не утянуло в поток, что изливался из чаши и бежал по камням дальше, вниз, к Светлояру.

– Знаешь, в шортах ты смотришься лучше, чем в боевом скафандре, – заметила Эмми.

– На самом деле, на мне боевой скафандр, только невидимый. – Он сделал вид, что прицеливается в таинственного врага в сиреневых зарослях ивы.

Эмми инстинктивно оглянулась. Сергей совершил бросок, рассчитывая опрокинуть ее в воду. Не тут-то было. Ре-

акция у девушки была отличной. Она увернулась, легко, смеясь. Отбежала к лестнице.

– Хочешь прыгнуть с обрыва? – предложил он.

– Хочу! Конечно, хочу. Догоняй! – крикнула Эмми и помчалась по лестнице наверх.

Сергей настиг ее на половине подъема, обхватил за талию и чмокнул в горячее плечо. Потом поцеловал в шею. И, наконец – в губы.

– Почему ты приехала? – спросил он меж поцелуями. – Ты сказала мне “нет”.

– Ничего подобного, ваше сиятельство.

– Прекрати называть меня “ваше сиятельство”.

– Мне нравится, как звучит... “Ваше сиятельство”. Ну, тогда проще... князь.

– Еще проще.

– Сергей, – она выговаривала его имя так, как принято его произносить на Лации.

– Тебе нравится меня дразнить, – уточнил Сергей.

– Чуть-чуть. – Эмми рассмеялась, выскользнула из его рук и побежала наверх.

Он настиг ее уже на вершине.

– Ты сказала мне “нет”, – повторил он упрямо.

– Ты так и не понял, почему?

– Нет.

– пусть останется моей тайной. Я привыкла хранить тайны. Много-много тайн за много-много лет.

– Ноша патрициев? – он кое-что об этом слышал, хотя и представлял смутно. Наверное, этого никто не может представить, кроме самих патрициев.

– Ага. Я хочу прыгнуть в водопад. Давай прыгнем вместе. А?

Эмми шагнула в воду. Он – за ней. Несколько мгновений они стояли на краю обрыва и сопротивлялись потоку.

– Прыгаем! – закричала Эмми, и шагнула вниз, увлекая Сергея за собой.

Они полетели вниз. Сергей падал и падал... под ребрами вдруг появилась тупая боль, которая росла, ширилась и заполняла тело... Он пытался нащупать руку Эмми и не мог... пальцы схватили пустоту...

Нет!

Сейчас сон кончится – понял Сергей. И вернется реальность. Нет. Не хочу. Нет... Непереносимо... Боль. Нет!

Он открыл глаза. Ощутил все ту же мертвящую боль в груди. Попытался вдохнуть и не смог. Потому что сразу же вспомнил то, о чем забыл во сне: Эмми умерла. Сегодня. Сразу после полуночи.

“Серги-ий!” – ее крик вновь раздался в мозгу.

Следом – треск. Треск разрываемой ткани скафандра. И живой плоти.

“Серги-и-и...” – очень медленно замирал крик.

Князь жав ладонями уши. Но крик все равно звучал в

мозгу. Внутри черепа. Как в ловушке.

* * *

Что-то было не так, Инна не сразу поняла – что.

Купидон. Светило. Ну да, лучи Купидона. Они заливали комнату. Жара. Значит, кондиционер отключен... шторы подняты, и звонок... Звонок не было. Дом не разбудил ее этим утром. Что за черт? Она приподнялась на локтях. Электронные часы на стене, сработанные под старинные ходики с кукушкой, стояли. Птичка выглядывала из своего игрушечного жилища, но не желала выкрикивать пронзительное “ку-ку”.

– Что за черт? – повторила Инна вслух.

Взяла комбраслет с тумбочки, коснулась ноготком нужного узора.

– Десять пятнадцать по местному времени Психеи.

Инна присвистнула. Никогда она не вставала так поздно. Только в отпуске на Китеже она бесстыдно транжирила утренние часы. Но до отпуска еще далеко. Примерно так же, как до Китежа.

Не слышно ни уборщиков-пылесосов, ни шагов андроидов-разносчиков. Тишина. Объяснение происходящему было одно: управляющий компьютер усадьбы почему-то отключился.

Инна надела комбраслет на запястье, коснулась красной

бусины.

– Княгиня?..

Ей никто не ответил. Возможно, Эмилия Валерьевна еще спит. Инна вскочила, подошла к окну. Комнаты прислуги и секретарей находятся на третьем этаже. Княжеский дом построен покоем. Из левого флигеля без труда можно разглядеть, что творится в правом. Как раз напротив на втором этаже – окна господских спален и кабинетов. Сейчас они переведены в непрозрачный режим. Не окна – синеватые бельма. Пускай Купидон – звезда Психеи – светит вовсю, но господские окна выходят на запад, в этот час их ни к чему ослеплять.

Инна вышла на галерею. Здесь, непотушенные, сияли бра и огромная люстра. Электрический свет, спешиваясь с лучами Купидона, дробился в хрустальных подвесках, вспыхивал на золоченых завитках фриза.

Инна сбежала по лестнице на второй этаж. Прошептала: “Дом взбесился”. И замерла.

На мраморной пилястре в галерее отпечатался след руки. Отпечаток был крупный. Значит, рука мужская. Отпечаток был темно-красный... Краска?.. Или... кровь? Бешено заколотилось сердце. Позвать Николаю? Он лишь посмеется... На цыпочках Инна двинулась дальше. Вот еще одно красное пятно – на этот раз смазанное. Скорее всего, кто-то перепачканной рукой задел стену, торопясь. Где-то недалеко послышался стук. Похоже, кто-то орудовал примитивным

ручным молотком. В такое время?

Двери в покои княгини распахнуты. Инна остановилась на пороге. В кабинете княгини царил разгром. Выброшенные из ящиков бюро бумажные диски валялись на полу, и ветерок, неведомо откуда взявшийся, слегка шевелил их. Платья были свалены грудой на диване. Князь Сергей в белом махровом халате стоял подле изящного столика ручной работы и колотил массивным серебряным подсвечником по личному компьютеру княгини. Комп, прежде похожий на наливное яблочко, раскололся пополам, и все вокруг было засыпано осколками его позитронного мозга вперемешку с разноцветной смальтой, выпавшей из роскошной столешницы.

– Ваша сиятельство... – только и выдохнула Инна.

Сергей поднял голову, глянул на секретаршу невидящим взглядом из-под опухших век и вернулся к своему занятию, то есть вновь принялся наносить удары подсвечником по компьютеру. Наконец внутри кожуха не осталось ничего, кроме осколков. Сергей огляделся, подбросил и поймал подсвечник, как будто прикидывал, что еще можно разбить или изуродовать в этой комнате, сказал кратко:

– Диски сжечь... – и вышел.

Инна выскочила за ним следом.

– А где княгиня Эмми? – крикнула в спину хозяину.

Сергей остановился. Оперся рукой о стену. Но почему-то не повернулся.

– Она далеко... – ответ прозвучал глухо. – Очень далеко.

Князь ушел к себе.

* * *

Управляющий Влад Вахрин обещал вернуться в усадьбу на рассвете, но опоздал. Намеренно? Нет... Он и сам не знал. Вылетел из города, когда Купидон уже светил всюду. Не торопился. Летел, оглядывая окрестности.

Внизу кустарники чередовались с каменистыми грядами и чахлыми рощами. Сразу за полосой Бурь (черная гряда разновеликих скал напоминала обломки древней стены) росли вечнозеленые пинары. Посадки эти орошались искусственно – к корням каждого растения подводилась вода – могучие коричневые стволы деревьев и ярко-зеленые кроны совершенно меняли пейзаж. Вдали мелькнула дорога с оранжевым покрытием.

Влад пересек границу усадьбы и сразу заметил беспорядок: огромную черную лужу на новой строительной площадке. Что такое? Откуда? Похоже, кто-то вылил бочки нефти в ямину, вырытую для нового фундамента оранжереи. Но зачем? Флайер стал снижаться: на площадке светящейся краской был намечен круг для посадки. Дальше лежали желтые горбушки песка и серые – щебня. Замелькали штабеля кирпичей из клеевого песчаника. За ними Влад заметил бликование синего и голубого света. Сверкающий треугольник, который ни с чем не спутаешь. Вгляделся. Так и есть. Зер-

кальные термоплитки. “Сирин”. Планетолет. Изящный кораблик, способный летать как в атмосфере, так и в космосе. Влад присвистнул. “Сирин» – то здесь откуда? Зачем князь забрал его из ангара?

Влад посадил флайер недалеко от «Сирина». Крышка кабины поднялась. В нос тут же ударил мерзкий запах горелого. Казалось, кто-то долго жег масло. Огромную-преогромную бочку с маслом...

Поодаль, собранные из блоков, высились складские помещения и “макетки” для строительных роботов. Лужа располагалась как раз между макетками и новыми помещениями складов. Жидкость казалась жирной, густой...

Нефть?

Несколько раз им уже доставляли вместо эршелла это практически даровое, хотя и чертовски грязное топливо для наземного транспорта. Вот и сейчас кто-то «удружил»...

Влад выпрыгнул на песок. Направился к луже. В самом деле, похоже на нефть. Вокруг хлопья серой пены. Два неподвижных роботов-пожарных на песке. Значит, все-таки что-то горело. Но откуда взялась нефть? Вчера здесь была только яма. Влад огляделся.

Даже если вместо эршелла в бочках оказался мазут, зачем надо было его выливать и отравлять почву? Влад обошел лужу, подозрительно пригнувшись и стараясь ступать так, чтобы не испачкать ботинки. Запах... Что здесь горело? Нет, не похоже, что мазут. Из черной жижи торчали какие-то

изуродованные железяки. Одно колесо, правда, уцелело. Пустынный кар? Князь Сергей любил гонять на нем по дюнам. М-да, кто же так изувечил машину?

Управляющий склонился над неподвижным роботом-пожарным. Из отработавшей свое человекоподобной куклы кто-то вытащил целиком блок памяти.

Тут Влад заметил неровную борозду. Светло-желтый песок был измазан бурым. Борозда тянулась к складу.

– Мне это не нравится, – пробормотал Влад Вахрин и зашагал к серой прямоугольной коробке без окон с раздвижными дверьми.

Сейчас двери оказались наполовину открытыми. Черная щель, похожая на оскал.

Управляющий остановился. Извлек из кобуры парализатор и включил вечный фонарь (освещения на складе еще не было). Шагнул внутрь. Пятно света скользнуло по голым стенам каркаса, по серому, присыпанному песком полу – вышло, что дверь открыта давно, раз ветром намело столько.

– Есть кто-нибудь? – крикнул Влад и повел фонариком из стороны в сторону.

Рука, держащая фонарь, задрожала.

Он ощутил тяжелый запах... знакомый запах... хорошо знакомый бывшему военному.

Поначалу Влад подумал, что на полу склада лежит грязное тряпье. Приблизился. Ноги почему-то сделались чужими и не желали идти. Приходилось переставлять их, как что-

то постороннее. Желтоватый мягкий свет фонаря вспыхнул на рыжих длинных волосах. Лицо, припорошенное песком... Он не сразу сообразил, что это лицо человека. Женщины. Белый, в алых блестящих кляксах защитный скафандр, раскинутые в стороны руки. Взгляд скользнул ниже... Но ниже груди ничего не было... То есть была какая-то лиловая каша... Перекрученные липкие жгуты, нити... и перемазанный этим лиловым песок. Влад наклонился...

– Эмми! – выдохнул он.

Жена хозяина, княгиня...

Влад хотел отскочить к стене склада. Но не успел – его вырвало.

– А кто второй? – спросил Влад сам себя, вытирая тыльной стороной ладони рот.

Голос в пустом складе прозвучал неожиданно громко. Влад поднял фонарь, стряхнул песок. Вернулся к...лежащим. Второй труп был мужской: уцелевшие плечи и руки, оторванные от тела, казались непропорционально огромными. От головы вообще ничего не осталось: на ее месте блеснул черный и (видимо) скользкий нарост... То, что ниже груди, тоже превратилось в кровавые ошметки. Запах разложения наполнял склад. Влад почувствовал, что желудок вновь ворочается где-то в горле.

– Десинтер? – Влад глубоко вздохнул, преодолевая новый приступ тошноты.

Ему никто не ответил, разумеется.

Этот второй убитый, возможно, князь. Или Тихон. Что случилось? Почему княгиня оказалась на складе? Княгиня... Неужели этот обезображенный труп – все, что осталось от нее? Влад видел ее вчера, в гостиной. Длинное светло-голубое платье, из-под которого выглядывали полукруглые носки белых туфельек. Платье с короткими рукавчиками-фонариками, схваченное под грудью лентой. Эта мода перепорхнула с Колесницы Фаэтона на все Новые миры. Длинные перчатки то перламутровые, то серебристые, меняли свой цвет в зависимости от освещения. Красавице-княгине было двадцать три года... Всего двадцать три... всего...

Вчера она выглядела умопомрачительно.

Влад поднял руку с комбраслетом. Коснулся нужного узора чисто автоматически. Вдруг услышал в ответ четкое, громкое:

– Да.

– Князь! Ваше сиятельство! Вы знаете, что с Эмми?

– Это ты, Влад? – голос хозяина звучал монотонно, как синтезированный голос компьютера.

– Да, я, это я. Я на складе. Нашел... тело. Это Эмми. Вы знаете?

– Да.

Влад опешил. Потом автоматически спросил:

– Как такое случилось? – Никогда он прежде не заикался, а тут...

– Это я виноват.

– Что? Я не понял, что?

– Я виноват в ее смерти. – Связь отключилась.

– “Я виноват...” – механически повторил управляющий. –

Что же тут стряслось?

Влад скосил глаза на второй труп. Если князь Сергей жив, то этот убитый... Это Тихон. Ну да, здоровяк Тихоня... Теплохранитель. Кому ж еще быть?..

Влад вышел на улицу, жадно глотнул горячий сухой воздух. Тут же стало саднить горло. Ну и леший с ним. Только бы не этот запах. Впрочем, снаружи запах был ненамного лучше – воняло горелым. Тусклое марево колебалось над черной лужей, казалось, что она двигается, ползет.

Влад вновь потянулся к комбраслету.

– Никола!

– М-м... – донеслось сонное бормотанье секретаря.

– Это я, Влад. Слышишь меня? Что происходит в доме?

– Управляющий комп отключился. Сейчас попытаюсь его запустить.

– С компом все нормально. Князь попросил меня выключить управление домом. Еще вчера вечером. Ты видел князя?

– Нет. Инна видела. Сказала, хозяин не в себе.

– Так, слушай, малыш... – Влад на мгновение запнулся. –

Вызови полицию.

– Полицию? Это зачем?

– У нас тут открылся бордель... – рыкнул Влад. Манера

Николы постоянно задавать вопросы его бесила и в более привычной ситуации.

– Я так и скажу, – покорно отозвался Никола.

– Ты меня когда-нибудь доведешь! Ладно, речь сейчас не о тебе. Скажешь копам, что у нас два трупа. Убиты княгиня – Эмилия Валерьевна, и телохранитель Тихон Ярунов. Трупы на складе на новой стройплощадке.

– Что?.. – ахнул Никола. – Что?

– Что слышал. Княгиню и телохранителя убили.

– А вы-то сами где?

– Я рядом со складом. Здесь и буду ждать полицию.

– Понял, – сказал Никола и отключил связь.

* * *

Полицейский флайер опустился на площадке перед домом. От особняка место посадки отделяли широкая, посыпанная красноватым песком дорожка и роскошный цветник, одна из любимых игрушек княгини. Покойной княгини...

Никола выскочил из боковой двери, что вела в диспетчерскую. Он только что вновь запустил управляющий домом компьютер. Впрочем, запустил частично: все уборщики и андройды остались в своих макетках. Незачем им сейчас сновать по дому и мешать полиции.

Прилетевший на флайере сержант смерил коротышку-секретаря снисходительным взглядом: парень доставал

сержанту лишь до груди.

– Я помощник управляющего Николай, – сообщил юноша, не дожидаясь вопросов. – Управляющий помещьем Влад Вахрин остался возле склада, где нашел трупы.

– Где князь Сергей?

– У себя... то ли в спальне, то ли в кабинете. Видите вон те окна? – Никола указал на слепые белые квадраты в дальней стене. – Комп сигнализирует, что князь в своих покоях.

– Как туда пройти?

– По общему коридору второго этажа. Через парадный вход. Или через черный по пандусу.

Сержант направился к главному входу.

– Правда, что дворец Великого князя на Китеже из чистого золота? – спросил он, когда позолоченные двери сами собой перед ним распахнулись.

– Не знаю. Я не был на Китеже, – Никола шел следом на цыпочках.

На лестнице по-прежнему горел свет.

Сержант обернулся.

– Вы же помощник управляющего? У вас должен быть кодовый ключ. Так?

Никола кивнул. По своему обыкновению он втягивал голову в плечи и горбился. Так ведут себя обычно очень высокие люди. В Николе, дай Бог, было метра полтора.

Они свернули в коридор второго этажа. Теперь Никола шагал впереди. Сержант следовал за ним, держа парализатор

наготове.

– Что здесь? – спросил сержант, останавливаясь возле открытой двери.

– Это комнаты Эмилии Валерьевны... – шепотом сказал Никола.

– Понятно, – кивнул сержант, хотя ничего понятно не было. Кроме того, что после смерти княгини кто-то рылся в вещах покойной. А может, и до...

– Вот эта дверь в комнаты князя. – Никола повернул ручку.

Дверь, разумеется, не открылась. Он достал из кармана универсальный ключ, выбрал нужный код, вставил в приемную щель. Раздался едва слышный щелчок. Дверь медленно отворилась. Внутри царил полумрак: почему-то освещение не пожелало автоматически включиться. Загорелись лишь аварийные лампы, освещая обитые светло-зеленым шелком стены, эбеновые статуи в нишах, распахнутую дверь. На белой ее поверхности – бурое размазанное пятно. Сержант сделал несколько шагов. Паркетный пол ни разу не скрипнул. Сержант двигался бесшумно. Однако он не желал подкрадываться.

– Князь Сергей! – окликнул полицейский хозяина, держа двумя руками парализатор.

Ни звука. Тишина.

– Князь Сергей! – вновь позвал он.

– Я здесь... – раздался голос из спальни.

Никола судорожно сглотнул и остановился. Дальше он идти не желал.

Сержант шагнул в спальню.

– Осветлить окна! – приказал Никола управляющему компьютеру.

Тут же свет хлынул в просторную комнату. Здесь было мало мебели. Кровать, два кресла. Диван. Небольшой столик. Сейчас он был опрокинут. Светлый паркет в темных пятнах. Князь сидел на диване. Махровый халат распахнут на груди. В руке стакан. Уже пустой... кажется... потому что стакан меньше всего сейчас занимал сержанта. Гораздо больше его интересовал блестящий и пузатый, похожий на игрушку пистолет, лежащий возле правого бедра князя. Судя по форме, игломет. Смертельное оружие для ближнего боя.

– Князь Сергей... – Сержант направил на хозяина усадьбы парализатор. – Медленно встаньте и подойдите ко мне. Ничего не трогать. Приказываю...

Хозяин усадьбы слегка повернул голову. Совершенно отсутствующее выражение лица. Понимал ли он, что ему говорят? Похоже, нет. Он даже не двинулся. Лишь дернул подбородком, как будто поправлял ворот невидимого мундира. И вдруг лицо его исказилось. В глазах вспыхнула ненависть, рот свело гримасой...

– Мразь! – Рука князя рванулась к игломету.

Сержант нажал на спусковой крючок. Заряд синего огня ударил в голову Сергея.

Князь опрокинулся на спинку дивана. Руки, сведенные судорогой, скрючились. А парализатор продолжал выпускать заряд за зарядом. Синие вспышки ударяли раз за разом в лицо. Глаза Сергея закатились, на губах выступила розовая пена. Лицо гримасничало при каждом попадании разряда – судорога сводила мышцы. Сержант развернулся, направил ствол парализатора в угол комнаты. Рванул переключатель автоматического режима в нейтральное положение. Переключатель щелкнул, но проклятый ствол продолжал плевать синими разрядами. И плевался до тех пор, пока батарея не иссякла.

– “Скорая”! Немедленно! В усадьбу “Утеха”! – заорал сержант в комбраслет.

Краем глаза полицейский видел, как судорога вновь свела тело князя.

– Он умирает... – прошептал Никола.

Мог бы не комментировать. Сержант и сам это видел.

* * *

Стажер приоткрыл дверь в комнату сержанта Бертрана. Тот сидел на диване, сцепив пальцы на коленях. Сержант не находил нужным даже делать вид, что чем-то занят – читает досье или ищет информацию в галанете. Он просто сидел. Дверь отворилась неслышно. Но легкое дуновение воздуха заставило сержанта поднять голову.

– Ну что еще? – спросил он. – Меня отстранили?

– Пока нет, – кашлянув, сообщил стажер. – Есть новости...

– Из госпиталя? – было видно, как сержант напрягся.

– Нет. Там все по-прежнему. Новости с управляющей станции нуль-портала Психеи. Сообщают, что летит скоростной катер полиции. Из метрополии. С самого Лация.

Сержант молча кивнул. Значит, будут перемывать кости на самом высоком уровне! Именно этого надо было ожидать после того, что случилось в проклятой усадьбе. Как ее называли? “Утеха...” Ничего не скажешь, утеха... Уж лучше “Потеха”. Тогда ребята из межпланетного отдела придумали бы какую-нибудь остроу. Они там все большие острожки.

* * *

– Я спрашиваю, сержант! Как такое могло случиться! – с порога рявкнул посланец метрополии, немолодой крепыш в черной форме с золотыми нашивками.

На Лации полицейских называют “неспящими” или вигилами. Но, явившись на Психею, как и многие колонии, не следующие правилам реконструкции истории, посланец метрополии превратился в заурядного копа в чине капитана.

– Как такое могло случиться! – повторил капитан в бешенстве.

– Неправильно установил режим парализатора. Не знаю,

почему так вышло. Поставил на максимум. – Вытянулся перед начальством сержант.

– Ах, так... прекрасно. Видимо, вы не соображали, что делали. Вы фактически убили офицера Китежа.

Сержант смотрел мимо капитана на грязное пятно на стене. Техник обрабатывал стены составом против термитов и перестарался.

– Князь Сергей в коме...

– Формальность... На самом деле он мертв. Сын одного из самых могущественных аристократов Китежа убит вами, сержант! Вы это понимаете? Понимаете? Понимаете? – повторял одно и то же капитан. Иногда такое случается с андроидами, когда у них перегревается мозг.

Сержант стиснул зубы. Что он мог понимать? Князь Сергей... Китеж... Сержант не слишком хорошо разбирался в галактической политике и в процессе исторической реконструкции, захватившей планеты. «У каждого своя история», – эти слова из Галактической декларации давно превратились в поговорку. Иногда все эти титулы и термины казались сержанту колониальной полиции полной чепухой. Князь он или нет, никто не давал ему права нападать на полицейского!

– Сергей схватился за игломет... Еще миг, и он бы выстрелил. Игломет – это не парализатор. Что я мог сделать? – Сержант не узнал собственного голоса. Кто бы мог подумать, что он способен говорить таким жалким заискивающим то-

НОМ.

– Что могли?! Да много чего могли сделать! Если бы удружились пошевелить мозгами. Просканировать помещение, прежде чем войти! Запустить позитронного “шпиона”! Все что угодно. Почему вы поперлись туда один?

Сержант молчал. Он сам не понимал, почему так поступил. Не знал, почему парализатор был переведен на непрерывный режим. Один выстрел в голову даже в максимальном режиме не убьет человека, тем более тридцатипятилетнего здоровяка, бывшего космолетчика. Но десять разрядов подряд кого угодно отправят на тот свет.

Капитан плюхнулся на стул. Тот почему-то не пожелал принять форму его тела, так и остался безликим сиденьем для гостей. Но капитан этого не заметил. Он тяжело дышал, как будто только что бегом взобрался в гору. Потом спросил устало:

– А это двойное убийство на складе? Там-то ты, надеюсь, не облажался? Выяснил, что произошло?

Вот именно! Если бы сержант это знал!

– Пока достоверно ничего выяснить не удалось. Я думаю, князь убил княгиню и телохранителя из ревности.

Воцарилась тишина. Было слышно лишь слабое жужжание внутренних охладителей капитанского мундира: они работали в максимальном режиме и не справлялись.

– Не слишком удачная версия, – заметил капитан.

– Точно сказать можно лишь одно: княгиня погибла около

полуночи. Как и телохранитель. Причина смерти... если отбросить научные термины... их просто раздавили. Вмятку.

– Княгиня Эмилия Валерьевна. В девичестве Эмилия Флакк. Сестра военного трибуна Флакка.

– Патрицианка? – неуверенно спросил сержант.

– Наконец-то! Хотя бы это до тебя дошло! Ты хоть занимался этим делом всерьез?

– Да, конечно... – Сержант судорожно сглотнул. – Я знал, что княгиня с Лация, а князь прежде командовал звездолетом “Изборск”, но полтора года назад ушел в отставку и поселился на планете.

– У них были враги?

– Нет. Я не знаю. Их все любили. Клянусь. Ни одной нити... Какой-то бред. Разве только... Может быть, ее родня была против этого брака? Мне это только сейчас в голову пришло. Я знаю, что патриции Лация никогда не заключают браки с инопланетниками.

– Сержант! Оставьте этот бред при себе.

– Других версий у меня нет. Кроме этих двух. Ревность и месть...

– Что я должен сообщить в столицу Лация, в Новый Рим?

Сержант пожал плечами. Что он мог ответить?

– Достоверно одно: Эмилия Валерьевна мертва. Князь Сергей в коме. Убит так же их телохранитель Тихон Ярунов.

– И все?

– Пока – да.

– А что вы подразумеваете под этим “пока”?

– Пока за дело не возьмется сама метрополия. Вы понимаете, о чем я...

– Вы верите в справедливость патрициев, сержант? – усмехнулся капитан.

Сам он, разумеется, был плебеем.

Книга I

Беглец с Колесницы Фаэтона

Глава I

Усадьба барона Фейра

– Вставать! Вставать! – голос хозяина прорвался в безмятежную черноту.

Марк тут же ощутил свое тело – затекшую шею и онемевшие от холода ноги – кто-то опять стащил с него одеяло. Он с надеждой закрыл глаза. С надеждой, что голос почудился, и Марк еще на час или два провалится в спасительную черноту. Рабы никогда не видят снов. Это их особенность. Засыпая, они погружаются в пустоту, где нет ни звезд, ни звездолетов, зато время летит мгновенно.

– Вставать! – окрик вновь прошел мозг раскаленной иглой.

Марк подпрыгнул и выпрямился. Рабский ошейник тут же впился в затылок, не давая откинуть голову назад. Ошейник наверняка придумал изувер, иначе зачем сделан этот острый выступ сзади, который при каждом резком движении впивается в затылок.

Кто-то, наконец, включил лампочку над дверью – тусклый

красноватый глазок; в его свете можно было различить копошащиеся фигуры.

– Люс... – позвал Марк приятеля.

– Туточки... – отозвался он.

Люс сидел на полу и рылся в груде пластиковых, отыскивая среди облепленных глиной башмаков свои. При мысли, что сейчас придется запихивать сбитые до крови ноги в эти уродливые раструбы, Марк содрогнулся.

– Держи, это, кажется, твои. – Он протянул приятелю пару. – Много еще морквы осталось на полях?

– Не знаю.

Марк зажмурился и натянул башмаки. Ноги тут же заledenели. Ну, все, теперь их не согреть до вечера. А вечером опять эта комнатуха, нары в два ряда, застеленные подсушенной ботвой маисоли, и ворочанье с боку на бок, пока не провалишься в спасительную черноту. Говорят, другие люди видят сны... Другие, но не рабы.

Марк направился к железной низенькой печурке. В нее вечером заложили два термopатрона. Но ресурс у обоих вышел еще на прошлой неделе, и теперь они излучали лишь остаточное тепло. Бока печурки едва нагрелись, мокрая одежда, наваленная на нее грудой, почти не сохла. Марк отыскивал свою куртку. Так и есть – вся мокрая. Только глина на обшлагах задубела, но Марк не стал ее отколупывать.

– Вот зараза, – пробормотал Люс, накидывая на плечи ветхую одежонку. – Неужто нельзя запихать с вечера нор-

мальный термопатрон?

Вопрос, разумеется, был риторическим.

Дверь распахнулась, ворвался ледяной воздух с улицы. На пороге стоял громила Жерар в куртке из псевдокожи, отороченной мехом, в широких рыжих непромокаемых штанах. На ногах – блестящие, начищенные, все в капельках влаги – вечные башмаки. Разумеется, они не вечные... но могут служить лет десять. А может и больше. Протискиваясь наружу мимо Жерара, Марк с завистью глянул на эти башмаки. Ноги у Жерара наверняка так и пышут жаром. Получилось что-то вроде каламбура. Марк скривил губы.

– Мерд!¹ Чего лыбишься? – повернулся к нему Жерар. Надсмотрщик был колесничим – так называли себя свободные граждане Колесницы Фаэтона.

– Так... День хороший.

Жерар замахнулся. Марк совершил нырок, уходя от удара. То есть его задело, но так, по касательной. В этом искусство рабское: чтобы уметь от оплеухи увернуться, но увернуться не до конца, пусть надсмотрщик воображает, что достал тебя. А рабу при этом не больно. Почти.

День, в самом деле, был не плох: небо ясное. Ночью ударили заморозки, теперь иней сверкал на деревьях и траве, и на крышах бараков, из которых, кашляя и ежась, вылезали рабы. Позевывая, они брели в столовую. Люс потянул носом воздух.

¹ Мерд – дерьмо (фр.)

– Каша сгорела, – пробормотал он. – Опять кашевар заснул. Мерд!

У каждой двадцатки рабов был свой стол. Марк и Люс ели за крайним. Бригадир уже притащил котел с кашей. От прочих рабов начальник двадцатки отличался цветом лица, упитанностью и металлической пластинкой, висящей на груди. Еще он носил особую шапку, похожую на жандармскую – этакий перевернутый котелок с козырьком. Поварешкой бригадир стряхивал в пластиковые миски варево и с размаху швырял миски на стол. Те скользили по грязному столу, как по льду. Марк подставил ладонь, поймал очередную. Вытащил из-за пояса самодельную ложку, понюхал варево. Лучше бы он этого не делал. Воняло отвратно. Мало того, что каша подгорела, так и масло в нее влили прогорклое. Марк ковырнул варево, положил в рот, подавляя подкативший к горлу спазм, принялся жевать.

– Не ешь, – сказал Люс, – все равно вырвет. – И, подавшись ближе, шепнул: – У меня в доте маисоль припрятана.

Марк оттолкнул миску.

– Кто нажрался, вон из-за стола. – Бригадир вываливал кашу из мисок назад в котел.

– Свиньям понесет? – спросил Марк.

– Кому же еще это свинское варево лопать?

Они направились к умывалке: прямо на улице из ржавой трубы торчало несколько кранов. Летом здесь можно вволю поплескаться, да и ранней осенью в теплые деньки тоже

неплохо умыться или хотя бы сполоснуть ноги. Сейчас мало кто набирал здесь пригоршню воды, чтобы смочить лицо. Только пили ледяную воду. Повара не потрудились даже кипятку утром сделать. Счастливчики, сумевшие разжиться пластиковыми бутылками, наполняли их впрок. У Люса имелось две бутылки. Для жарки маисоли чистая вода пригодится – поливать початки. Запасливый Люс наверняка и солью успел разжиться.

Перед тем как отправиться в поле, рабы собрались на площадке перед усадьбой. Колонны, подпиравшие портик, порыжели от дождя. Возле крайней, почти доставая головой до капители, стоял Жерар.

Марк постарался укрыться в задних рядах. Ему становилось не по себе, когда взгляд Жерара задерживался на нем. Раб был уверен, что из всех прочих надсмотрщик его отличает. Более того, питает глухую неприязнь. Или даже ненависть. Марк не понимал ее причину. Но ощущал явственно, как запах собственного пота или вонь горелой маисоли.

Хозяин вышел из дома, наряженный в черный фрак и черные брюки, из-под которых выглядывали носки лакированных туфель. Белый галстук развязан, жилет расстегнут, и на блестящем шелке жилета алело винное пятно. Очевидно, хозяин с вечера еще не ложился. Барон Фейра поднял вверх правую руку. В низких лучах восходящего Фазтона блеснул золотой контактный браслет.

– Не-ет... – Люс болезненно сморщился: поднятие ру-

ки означало, что хозяин намерен говорить с рабами через управляющие чипы ошейников, и голос барона, пронзительный, режущий, будет звучать непосредственно в мозгу.

– Ма фуа!² А по-человечески он не может? – Марк стиснул зубы.

Опять же вопрос был риторическим.

“Рабы усадьбы Фейра! – раздался внутри черепа голос хозяина. – Вы дерьмовые работники. Вас всех надо отправить на живодерню. Да другие не лучше. Лентяи! Пахать надо, а не лежать кверху пузом! Пахать! Я вас кормлю себе в убыток, а вы только жиреете, как крысы! Сегодня я приказал зарезать барана. Целого барана для таких бездельников! Вам может еще и трюфели подать или вино бургундское? Вы ж все сожрете, а работать будете еще хуже! Хотя бы сегодня постарайтесь заслужить свой обед, а не то мне придется продать вас в каменоломни. Если кто из вас надеется остаться в усадьбе, должен набирать не менее ста корзин в день”.

Голос смолк.

– Пошли... – Марк замотал головой, будто пытался встрясти оттуда застрявшие звуки. – Пошли! – он подтолкнул Люса к проходу между бараками.

Если они окажутся на первой грузовой платформе, то их отвезут на поле с неубранной маисолью. Стебли, прихваченные морозом, расплзаются в кашу, едва их тронешь, так что машиной эту маисоль уже не собрать, можно только вруч-

² Ма фуа (*фр.*) – черт возьми.

ную. Но початки, прихваченные морозцем, можно грызть и сырые. Очень даже ничего... Куда лучше горелой каши.

Марк заскочил на платформу и помог залезть Люсу; здесь, на перемазанном глиной полу, сидело уже человек пять.

– Сказали, что на маисоль берут только двоих! – радостно выкрикнула толстушка Эбби, – так что вы опоздали.

– А кто корзины тебе будет подносить, мадмуазель? – поинтересовался Марк.

– Да за початок маисоли мне любой корзины на платформу составит, – засмеялась Эбби.

– За початок и за кое-что еще, – фыркнул Люс.

Каждый раб мужского пола считал своим долгом во время уборки приставить к штанам либо початок маисоли, либо корнеплод ле карро,³ особенно если тот попадался трехрогий, и продемонстрировать “протез” Эбби. Девуцу эти выходы приводили в совершенный восторг. Особенно усердствовал в этом Люс, не пропуская ни одного подходящего для шутовства корнеплода.

На платформу уже набилось изрядно народу. Последние сидели на самом краю, свесив ноги. Эти точно попадут на морковь, или, как для краткости называли ее рабы – моркву. Хозяин, правда, требовал, чтобы овощ сей именовали ле карро. Да и право, неловко как-то именовать морковью оранжевые конусы длиной до полуметра. Жерар бросил возле кабины связку коротких острых ножей – резать ботву. Значит,

³ Ле карро (*фр.*) – морковь

в самом деле... как ее... ле карро. Взыли нагнетатели, платформа тронулась. Красный диск Фаэтона медленно карабкался по небу, но иней на деревьях и на траве не собирался подтаивать. После жаркого лета на южное полушарие Колесницы Фаэтона пришла осень – время уборки маисоли и овощей. Недели через две-три закончится уборка, выпадет снег. Или пойдут ледяные дожди. Для рабов это краткий «полуотдых» – то есть работа в хранилищах или подготовка теплиц. А то, если вовсе нет работы, посадят где-нибудь в холодном бараке (не топят, потому как роскошь – на рабов термотроны изводить), выдадут скребки, и так с утра и до вечера счищаешь засохшую глину с изношенных пластиковых башмаков. Неведомо, откуда их столько берется – этих башмаков. Работа неспешная, сядешь с кем-нибудь, с кем поговорить охота – да хоть с Люсом – и стучишь скребком, обивая засохшую глину.

Платформа остановилась.

– Люс! Марк! – крикнул Жерар. – На поле рядом с дотом. Собрать ле карро до вечера.

Марк поднялся, взглянул из-под руки.

– Да там корзин пятьсот можно набрать. А норма на одного сотня. Хозяин сказал.

– А я сказал – убрать все, – рявкнул Жерар.

Люс кубарем скатился с платформы, уворачиваясь от тяжелой руки Жерара. Марк прыгнул следом. Платформа поплыла дальше, слегка кренясь на правый борт, а приятели за-

шагали по полю. Большую часть моркови уже убрали. Осталось лишь несколько грядок-хвостов. Кто-то из нерадивых рабов не выполнил норму. Островки покрытой инеем ботвы виднелись там и здесь.

Сзади послышалось громкое фыркание и удары копыт. Марк обернулся. Прямо на них по влажному полю, взмывая копытами ошметки мороженой ботвы, мчался всадник. В морозном утреннем воздухе окутанный паром конь казался огромным. Всадник в зеленом с желтыми отворотами мундире, в сверкающей каске размахивал плеткой, погоняя коня. На разгоряченном красном лице драгуна топорщились черные, блестящие, будто лакированные, усы.

– С дороги! – крикнул драгун, замахиваясь плеткой.

Марк и Люс прыгнули в соседнюю межу.

Конь пронесся мимо, обдав рабов теплым паром и запахом пота. Дальнее, уже убранное поле, вчера распахали и укатали катками, чтобы проводить репетиции.

– Интересно, конский хвост у него на каске настоящий или синтетика? – спросил Люс и вздохнул.

– В прошлом году было Бородино. А в этом?

– Маренго. – Люс всегда все знал. – В этом году реконструируют Маренго. Битва будет в Северном полушарии. Сейчас там весна. На Земле битва была 14 июня. К началу лета успеют подготовиться. Вот бы поглядеть, а? Хоть одним глазком... Тра-та-та... – Люс изобразил голосом пение боевых труб. – Пороховой дым, шеренги пехоты, вооруженной крем-

невыми ружьями, пушки системы Грибоволя. Гусары, уланы, драгуны... Генерал Дезе, что принес Наполеону победу. Если б я родился колесничим, мог бы воплотить на реконструкции Дезе. Или хотя бы воплотиться в капрала, командира орудийного расчета. Я бы кричал: “Шарже!”⁴ У Анри, кстати, есть отличная реплика настоящего кремневого ружья!

Марк попытался вытянуть хотя бы одну морковку из грядки. Не получилось: ботва осталась в руках. Мороз намертво сковал почву. Люс ударил несколько раз башмаком по замерзшей грядке. Тут же взвыл от боли: пластиковый башмак лопнул. Мороз превратил влажную почву в камень.

– Пошли в дот, – сказал Марк. – Все равно грядки еще часа два не оттают. Зажарим маисоль, поедим. Тогда и работать начнем. Замечательной ле карро от мороза ничего не делается. А нам очень даже делается...

Люс кивнул.

Они свернули на знакомую тропинку.

– Тебе в хозяйских покоях что-нибудь удалось стырить? – поинтересовался Люс.

“Я хотел украсть комбраслет барона”, – чуть не ляпнул Марк. Но вслух сказал:

– Ничего.

– А я умудрился скачать из хозяйской библиотеки семьдесят девять книг.

Люс вытащил из нагрудного кармана жилетки пентацено-

⁴ Шарже (*фр.*) – заряжай

вую страничку, тронул заскоружлым ногтем правый нижний угол. Экран тускло засветился.

– Вот гадство... Батарейка садится. Хоть бы один кредит, а... Чтоб барон сдох поскорее... – Люс потрянул футляр листка, экран поярчел немного. – Гляди! – обрадовано крикнул Люс. – “История наполеоновских войн”, потом “Первая война Колесницы”, “Экономический кризис Неронии”, “Проект развития Звездного экспресса на ближайшие двадцать лет”, “Живые корабли Неронии”, “Патрицианские роды Лация”, “История колонизации Вер-ри-а”, “Самые громкие преступления Колесницы”, и так далее, и так далее... Что-нибудь хочешь почитать?

– “Самые громкие преступления”, – хмыкнул Марк.

Дот, что застрял огромным нарывом между двумя полями на горушке, остался здесь со времени последней войны между Лацием и Колесницей Фаэтона. Барон Фейра его не срыл, надеясь под что-нибудь приспособить. Подо что – он сам не знал толком.

Рабы забрались в каменное чрево дота. Бетонные стены, низкий свод. Сохранилась даже стрелковая яма и металлические скобы, к которым был прикован боевой робот. Марк зачем-то посмотрел в узкую щель. Когда-то из щели дота вылетали капсулы автономников; серые цилиндры взрывались в воздухе, посылая в цель струи красного огня. Говорят, боевые роботы, наделенные интеллектом, испытывали вполне человеческий страх. Когда ситуация становилась незна-

дежной, то есть когда их изошренный мозг высчитывал, что шанс уцелеть меньше одного к десяти, железные вояки бросались наутек. Потому их и стали приковывать. Робот легко уничтожал из своей базуки тяжелый танк или флайер, а вот перерезать цепь не мог. Разве что взорвать вместе с собой.

В центре дота стояла старая бочка. Не бочка, конечно, а пустая капсула автономника, который почему-то не сработал. Начинку давно выпотрошили, а в бочке теперь жгли подсушенную ботву маисоли.

– Странно, – проговорил Люс, оглядывая бочку, – два дня назад она стояла у стены, я точно помню. Неужели...

Он кинулся к куче подсушенной ботвы и поднял охапку. Под ней лежали десять початков маисоли.

– Фу... Слава Аустерлицу! Я уж думал, какая-нибудь сволочь забралась в дот и слямзила маисоль. Сейчас полакоимся.

У Люса в придачу к воде и соли была при себе зажигалка. Через пару минут ботва запылала в бочке. Когда прогорит, Люс положит сверху решетку, на нее – початки маисоли. Каждый початок весил не меньше килограмма. Наесться можно до отвала.

Марк уселся на перевернутую пластиковую корзину, протянул руки к огню.

– Сто корзин нам никак не нагрести, – бормотал Люс. – Даже если будем пахать до самой темноты.

– Зачем? – пожал плечами Марк. – Сколько можем, столь-

ко и соберем, не надрывая пузо. Сто корзин – это приманка. Початок маисоли на веревочке перед нашим носом.

– Точно, початок, – согласился Люс.

– Ничего нам не сделают. Барон только грозитя, как всегда. Он в прошлом году точно так же лаял. И в позапрошлом году про сто корзин орал.

– Я несколько раз пробовал, но ни разу не сумел.

– Сто корзин никто не собирает.

– Вот если бы император Старую гвардию пустил в дело, мы бы выиграли в Бородино, – мечтательно произнес Люс.

– Не-а... не выиграли.

– Это почему? – удивился Люс.

– Да потому, что нас там не было, – расхохотался Марк.

Весело потрескивала в костре ботва. Марк снял ботинки, откинулся на перевернутую корзину, поднял ноги так, чтобы заочневшие ступни ласкало тепло. Он знал, что занятие это пустое – стоит надеть вновь ботинки, как ноги тут же онемеют. Но сейчас при-я-тно.

От оплеухи он слетел с корзины, перевернулся в воздухе и грохнулся на бетонный пол. Не сразу сообразил, что произошло. Приподнял голову. В первый миг почему-то подумалось ему, что боевой робот (уж неведомо, откуда он взялся) выбрался из своей стрелковой ямы и решил выдворить непрошенных гостей. Но нет, не робот стоял над ним – Жерар. Надсмотрщик умел подкрадываться неслышно.

– Суки! Кто позволил уйти с поля? А? – ревел Жерар. –

Кто?

– З-земля замерзшая... – бормотал Люс, на четвереньках отползая в угол.

– Ах, земля. Ну, я сейчас покажу вам, говнюкам, землю. Сколько раз говорено: работать! Работать! Работать! Бездельники! Мерд!

Новый удар обрушился на Марка. Жерар бил хлестко, но не очень сильно. Так, чтобы ничего не повредить внутри и костей не переломать. Однако пребольно выходило. Раб должен терпеть. Должен... Марк не смог. Когда Жерар ухватил его за плечо, чтобы хлестнуть по щекам, Марк извернулся и всадил зубы в здоровенную руку. С каким наслаждением стиснул он зубы на упругой коже, с каким восторгом почувствовал, что мягкая плоть уступает напору зубов, поддается... и ощутил во рту вкус крови.

Жерар взвыл не своим голосом. Оказывается, этот бык по-детски чувствителен к боли!

На сей раз удар был отнюдь не символическим. Марку показалось, что голова лопнула; сам он, нелепо дрыгнув руками и ногами, отлетел к стене. Ударился плечом, локтем...

Однако сознания не потерял. Лишь повертел головой, насколько позволял ошейник, вскочил. И тут произошло что-то невероятное. Марк выпрямился, глянул на Жерара надменно, гневно сдвинул брови и выкрикнул, указывая на дверь:

– Вон отсюда, пес!

Жерар от подобной наглости опешил. Но лишь на мгновение.

В следующий миг Жерар ухватил Марка за шкурку и волок из дота.

– Ты его задушишь! – пискнул Люс из своего угла вслед.

– Отжил свое, щенок! – ревел Жерар. – Клянусь Аустерлицем, ты сдохнешь! – Глаза Жерара сделались совершенно бешеными, на губах выступила пена. Марк мог лишь беспомощно хватался за державшую его руку. Силы были неравны: здоровяк-надсмотрщик и семнадцатилетний подросток.

Однако свернуть голову рабу – дело отнюдь не простое. Шею невольника защищает толстый ошейник с управляющим чипом и системами контроля. Ошейник сжимает шею мертвой хваткой, избавиться от него невозможно. Зато он защищает шейные позвонки, сосуды и связки. Жерар волок Марка за собой, ухватившись за ошейник, но юноша даже не хрипел. Да еще, изловчившись, сумел ударить мучителя. Хотя удар был слабоват, Жерар взревел от ярости: какой колесничий потерпит, чтобы раб сопротивлялся.

Силы, впрочем, у Марка вскоре кончились, и он лишь беспомощно перебирал ногами, пока Жерар тащил его через поле к дороге. Иней уже начал стаивать, подметки пластиковых башмаков скользили по гниющей ботве.

Жерар швырнул раба в грязь, включил комбраслет, крикнул:

– Барон!

Никакого ответа. Как всегда по утрам, барон снял комб-раслет и отправился спать.

Жерар выругался, пнул Марка под ребра. Тот успел увернуться, но все же недостаточно ловко: грудная клетка запылала от боли.

Навстречу им шел высокий человек, одетый в форму русского гусара: красный долман, расшитый золотым шнуром, красный ментик накинута на левое плечо. Витой ремешок кивера впивается в упрямый подбородок. К черным, начищенным до блеска сапогам, уже прилипло немало грязи – “гусар” где-то потерял своего коня. Незнакомец был загорелым и коренастым, как фермер с юга. Но он не походил на фермера.

– Как зовут раба? – спросил безлошадный “гусар”.

– Тебе-то что? – огрызнулся Жерар.

– Я – инспектор по делам невольников, – невозмутимо отвечал незнакомец.

– Что? Какой инспектор? – переспросил Жерар.

– Меня зовут Марк. Марк с Вер-ри-а, – торопливо сообщил юноша, почему-то решив, что этот человек может ему помочь. Раб всегда от каждой встречи ждет чего-то необычайного. Ждет, но его надежды не сбываются.

– Послушай, вали отсюда! – шагнул к “гусару” Жерар. – Нам плевать на любых инспекторов. Все это сопли... мерд!

– Сколько тебе лет, Марк? – спросил незнакомец. На ругань Жерара он не обращал внимания.

– Семнадцать...

Какие-то светлые искорки блеснули в воздухе. Блеснули и пропали. Жерар дернулся и опрокинулся на спину. Попытался подняться, но захрипел, изо рта струей хлынула кровь.

В руке незнакомец сжимал пистолет. Похожий на парализатор, но только ствол куда толще. У парализаторов стволы всегда матовые, а этот блестел.

– Он же... колесничий... Был... – только и выдохнул потрясенный Марк.

Кто этот тип в мундире гусара? Лицо с орлиным носом и твердым подбородком, лишенное какой-либо мимики. Казалось, он говорил, не разжимая губ.

– Давно здесь? – спросил убийца.

– С утра, как в поле выгнали, – признался Марк.

– Давно на Колеснице, спрашиваю?

– Двенадцать лет. – Марк дернулся, застонал, схватившись за бок: удар Жерара все еще давал о себе знать. – Жерар меня терпеть не мог... – зачем-то пожаловался он.

– Как звали твою мать? – продолжал импровизированный допрос незнакомец.

– Ата. Кажется...

– Ата... – повторил “гусар”. – Это сокращенное имя, не так ли? – Марк не ответил, только пожал плечами. – Но ты ведь не с самого детства раб?

– Мне было пять лет, когда на Вер-ри-а меня сделали рабом...

Марк уже не сомневался, что незнакомца интересует

именно он, сборщик ле карро с усадьбы Фейра. Это было удивительно, невероятно. Но это было именно так.

“Гусар” неспешно подошел к Марку. Вдруг наклонился, перевернул раба на живот, ткнув лицом в грязь, заломил руку за спину. Все произошло так быстро, что Марк не успел опомниться. Лишь в глазах потемнело от боли. А потом он почувствовал, что шея немеет, и следом – ни с чем несравнимое ощущение: как будто в позвонках завелась какая-то мерзкая тварь, она ворочается и скребет, скребет...

Незнакомец тестировал его ошейник. Марк завыл – не от боли, нет, от унижения, из глаз потоком хлынули слезы. Ему всегда казалось во время тестирования, что его, Марка, раздавливают, как клопа. Чувство унижения было столь сильным, что ему хотелось визжать, царапать землю, выть...

Незнакомец отпустил его и отошел в сторону, разглядывая индикатор щупа. Тонкая игла мигала то зеленым, то красным. Марк остался лежать на земле. Три года назад он поклялся себе, что никому не позволит больше провести тестирование... Что скорее умрет... Да что толку рабу клясться... в самом деле, смешно... Смешно... Он всхлипнул. Громко. Хотя старательно стискивал зубы – показывать свою слабость не хотел. Раб!

– Ты пойдешь со мной, Марк с Вер-ри-а, – сказал “гусар”, убирая щуп в футляр.

– Куда?

– Куда я скажу. Одно лишь могу добавить: далеко...

– Ничего не выйдет. Я не могу.

– Это почему же? – спросил человек насмешливо.

– Баронский комбраслет. Если хозяин не отдаст приказа, я не смогу пересечь границу усадьбы. Ты думал, почему мы тут сидим и с поля не ногой? А? – с издевкой спросил Марк.

Раба все время ломают о колено. Берут и ломают... ломают... ломают... Марк задыхался. Раб не может даже умереть... гордо умереть... у раба нет гордости... есть послушание... смирение... покорность... ненавижу...

– Я “заморозил” твой управляющий чип. Так что хозяин тебе не указ.

– Надолго?

– На час.

– И что? Каждый час ты будешь проделывать ... это? – Марк брезгливо передернулся.

– Придется.

– Лучше сразу пристрели.

– Всего пять или шесть инъекций.

– Нет! – завопил Марк. – Нет! Нет!

– А что ты предлагаешь? – неожиданно спросил незнакомец.

Что предлагает Марк? Ха-ха... Что может предложить раб? Вдруг мелькнула шальная мысль. Что если?..

– Я могу достать комбраслет барона. Я знаю, как это сделать. Но надо, во-первых, убрать одну камеру наблюдения перед домом. А во-вторых... во-вторых... – Марк запнулся.

– Так что, во-вторых? – спросил незнакомец.

– Вы возьмете с собой еще и Люса. Он мой напарник. Если я убегу без него, с Люса шкуру спустят. Или убьют. Честное слово.

– Хорошо, прихватим твоего друга. Говори, где браслет?

– В хозяйской усадьбе. Я могу достать. Это не так уж трудно, – торопливо заговорил Марк. Честно говоря, ничего подобного от себя он и сам не ожидал. В мыслях появилась удивительная легкость. Во всем теле – тоже. – Хозяин снимает браслет после того, как отдаст утром все приказы, и кладет в ящик. Я сам видел, когда на той неделе меня позвали прибираться в доме. Сегодня ночью в доме была пьянка... то есть бал... Хозяин до утра не ложился. Набрался изрядно. Теперь дрыхнет. И браслет снял – Жерар его вызвать не мог. – Марк наклонился, снял с запястья убитого надсмотрщика комбраслет. – Вот мой пропуск. Пойду в дом и достану браслет барона.

– Удерешь и выдашь меня?

– Нет.

– Почему я должен тебе верить?

– Я дам слово.

– Слово раба? – уточнил незнакомец.

– Разве раб не может дать слово?

– Конечно, нет. Над своей волей ты не властен. Пойдем вместе. Все равно мне придется убирать камеру у входа. И запомни: выдашь меня – убью.

“Инспектор” оттащил тело убитого в поле, уложил в межу и забросал ботвой. Теперь Жерара долго не найдут. Придется киберпса вызывать.

Они зашагали к усадьбе. Марк впереди, так называемый инспектор в форме гусара – за ним. На «гусара» никто не обратит внимания: таких ряженных в это время года на полях усадьбы предостаточно: колесничие готовятся к реконструкции Маренго.

Марк то и дело хватался за бок. Тело ныло, как будто по нему проехал трактор. Но в то же время Марк чувствовал: он больше не может быть рабом. Не может – и все. Время рабства истекло. Закончилось. Вышло. Марк не знал, откуда взялось это чувство. Но оно все усиливалось, росло с каждой минутой. Что-то в нем сломалось раз и навсегда.

“Замороженный чип больше меня не контролирует”, – сообразил он.

Зачем он, Марк, понадобился этому человеку? И как «инспектор» легко, играючи прямо, прикончил Жерара... Жерар – скотина, кто спорит. Но разве незнакомец это знал?

Они шагали по тропинке вдоль дороги. Никто из усадьбы не встретился им на пути. Рабов отправили в поле. А хозяин после “бала” почивает и видит сладкие сны. Попались, правда, навстречу два всадника в белых австрийских мундирах. В седлах они держались из рук вон плохо, потому старались не смотреть по сторонам. Они что-то прокричали безлошадному “гусару”, но слова их отнесло ветром, а в следующую

минуту всадники промчались мимо. Один «австрияк» обернулся, и чуть не вылетел из седла, потому как в этот миг конь его решил махнуть через канаву.

– Ты им не понравился, – заметил Марк.

– Австрийцам никогда не нравились французы, – отвечал незнакомец.

– У тебя русская форма.

– Что?

– У тебя форма русского гусара. Где ты ее взял?

– На сайте “Бородино”.

– Бородино реконструировали в прошлом году. В этом году у нас Маренго. Понимаешь, почему так удивились эти ребята?

– И что, на Колеснице все разбираются в подобных тонкостях?

– Ха! Ты бы поговорил с каким-нибудь колесничим.

– По-моему, Жерар ничего не заметил, – усмехнулся незнакомец. – Как бы то ни было, теперь уже поздно менять костюм.

Они вышли к баракам.

– Вон та камера! – Марк указал на фронтоны. – Надо ее ослепить...

– Не в черную дыру нырять! – хмыкнул незнакомец.

Он вытащил из кобуры бластер. Прицелился. Блеснул красный луч и исчез. Вверх от фронтона потянулся лиловый дымок.

– Иди, – сказал “гусар”.

Быстрым шагом Марк пересек площадку перед домом, на которой утром собирались рабы. В этот час здесь никого не было. Марк поднял руку с браслетом Жерара. Дверь отворилась.

Марк шагнул в вестибюль. Черные колонны дорического ордера. Черный, под мрамор, пол. Марк и прежде бывал в доме: его с Люсом звали иногда прислуживать хозяину во время праздников, когда собиралось много гостей. Он помнил этих сытых, красиво одетых, гогочущих господ. Мужчин в черных фраках и немислимой расцветки жилетах. Женщин в платьях, блестящих, струящихся, с короткими рукавчиками. Плечи непременно оголены, руки затянуты в перчатки под цвет платьев. Блеск драгоценностей. Смех. Запах духов. Скольжение легких туфелек по паркету. Сверкание хрустальных люстр, их отблески в зеркалах. Слуги в белых куртках и белых перчатках с серебряными подносами, уставленными бокалами с темным терпким вином. Марк тоже с подносом.

Он вслушивался в разговоры, пытался уловить смысл. Незнакомый для раба смысл. Свободные колесничие обязаны говорить что-то особенное. Но ни в словах, ни в шутках гостей барона Фейра не было и крупинцы смысла. Все эти блестящие дамы и кавалеры говорили ни о чем. Смеялись над пустотой. Не над пустяками, а именно над пустотой. Даже пустячного смысла не проскальзывало в их фразах...

В вестибюле сейчас никого нет. У входа стоит пылесос-автомат, видно горничная, прибравшись, забыла его тут. Вон та справа дверь в кабинет хозяина – Марк приносил сюда кофе после обеда. Марк замер у двери, не решаясь открыть ее. Вдруг почудилось: сейчас, как в ту ночь, в кабинете барон с сыном укрываются от надоевших гостей.

Хозяин в кресле, юный Анри развалился на диване с бокалом в руке. Мышастого оттенка фрак, серебристый жилет, бежевые панталоны до колен, шелковые чулки и башмаки с пряжками, усыпанными алмазами. Видимо, такова последняя Парижская мода, хотя вряд ли этот молокосос выбирался дальше Тулузы. Он был ровесником Марка. В детве Анри иногда являлся в бараки рабов устраивать поединки между маленькими невольниками. Больше всего ему нравилось смотреть, как мальчишка дерется с девчонкой. Иногда он приводил своих друзей, господских сынков из соседней усадьбы, поглазеть на драку. Обожал ставить какого-нибудь слабака против крепыша на два или три года старше. Обожал кровь...

– Гарсон, вина! – потребовал наследник барона.

Марк подошел, наполнил бокал. Анри смотрел мимо “гарсона”, взгляд стеклянный, пустой. У Марка дрогнула рука, он едва не пролил вино и поспешил отойти.

– Папа, одолжи мне Эбби на пару ночей, – сыночек сделал маленький глоток, изображая из себя ценителя. – А то у меня

прыщи на щеках не проходят.

Прыщей на коже Анри, в самом деле, имелось в избытке.

– Ты проиграл двадцать тысяч франков в карты, – напомнил барон.

– Ма фуа! О чем ты говоришь! А граф Дюнуа? – напомнил Анри. – Он сумел продуть вчера сто тысяч. Да еще пробовал жульничать и зачихал в манжеты миникомп... Но его поймали... хи-хи... У старика де Ланси повсюду стоят “жукоискатели”.

“Как странно распорядилась судьба, – думал Марк. – Этот придурок – сын хозяина усадьбы. А я всю жизнь проживу рабом, собирая маисоль и моркву. А ведь я мог бы сидеть в этом кресле. Мог бы учиться в Париже... Мог бы стать членом академии, стать “бессмертным”... Марк поставил поднос на маленький столик в углу и глянул в зеркало. Чем он хуже? Хорошо сложен, среднего роста, с тонкими, узкими кистями рук. Черты его лица на редкость правильные: прямой нос, небольшой рот, высокий лоб, карие глаза, темные прямые волосы. Хотя лицо, как и у всех рабов, невыразительное.

Тут он увидел в зеркале, как барон снял с запястья комбраслет и бросил на дно нижнего ящика бюро. То, что раб может видеть это в зеркале, барон не догадался.

– Жаль, что император не ввел в бой Старую гвардию, – вздохнул Анри.

– Зачем? – фыркнул барон. – Император и так победил

при Бородино.

“Когда же барон сдохнет?” – с тоской подумал раб.

* * *

“Барон никогда не сдохнет. Потому что как только старый барон умрет, появится новый”, – сам себе ответил Марк и толкнул дверь.

Знакомый диван. И кресло знакомое. Столик на одной ножке, а над столиком – золотой шар галанета.

Если знать пароль, можно говорить со всем миром, со всей галактикой...

У Марка перехватило дыхание. Со всей галактикой. Он на миг позабыл, зачем явился сюда. То есть ему показалось, что за этим он и пришел: говорить с галактикой. Какой пароль может быть у барона? “Бонапарт”? или “Аустерлиц”? Что-нибудь наверняка простое.

Протянуть руки и взять шар. Марк подался вперед. Вытянул руку... Браслет Жерара, слишком большой для узкого запястья мальчишки, соскользнул, со звоном покотившись по полу. Марк отпрянул.

Браслет... Комбраслет! Как же он мог забыть! Марк рванул ящик бюро. Браслет барона лежал на дне рядом с коробкой сигар и световым пером. Мгновение – и браслет спрятан под курткой. Марк поднял браслет Жерара. По хозяйскому комбраслету из дома не выйдешь – обман мгновенно раскры-

ется.

Как все просто... слишком просто. Никто не подумал, что раб может отважиться на такое... может отважиться... нет, никогда... Никогда раб не посмеет... А он, Марк, – осмелился! Но чего он стоит?! Марк бросился к двери. Скорее!

Он выскочил из дома, добежал до барака. И тут столкнулся с Гарве. Младший надсмотрщик выходил из кухонной двери, облизываясь: видимо, повариха оставила для него особенно лакомый кусочек. Ростом Гарве был лишь немногим выше Марка. Говаривали, что он – незаконный сын барона, потому и получил теплое местечко. У Гарве было прозвище “погоняла”.

– ... Что ты здесь делаешь? Почему не в поле? – кажется, от *невозможной* наглости раба надсмотрщик растерялся.

– Заходил к хозяину пожаловаться. Жерар лютует... – как ни в чем ни бывало, отвечал Марк.

И тут же получил от Гарве такую оплеуху, что отлетел к стене барака.

– У тебя что, ошейник сломался, идиот? – процедил сквозь зубы Гарве. – На поле! Марш! Или будешь в грядках сидеть до нового года!

Марк медленно поднялся, стер кровь с губы. И вместо того чтобы бежать, спастись, шагнул к надсмотрщику. Нож... ведь у него есть нож! Чтобы резать ботву ле карро. Марк не помнил даже, как заткнул его за пояс, отправляясь в поле. Гарве схватился за кобуру с парализатором. Поздно! Марк

прыгнул вперед и вонзил короткий острый нож в бедро “погоняле”. Тот взвыл от боли. А Марк выбил парализатор из пальцев надсмотрщика.

– Чокнутый... – прохрипел Гарве. – Тебя казнят.

– Казнят? – Марк отрицательно покачал головой. – Нет, они не посмеют казнить меня...

Он направил парализатор в грудь Гарве и нажал кнопку разрядника. Усмехнулся:

– Тю а мерде!⁵

Тут же рядом возник “гусар”.

– Ты слишком рисковал... – заметил он.

– А где был ты? – довольно дерзко отозвался Марк.

– Браслет у тебя? – ответил незнакомец вопросом на вопрос.

Марк потянулся к карману. А что, если не отдавать? Ведь теперь он свободен, и... у него парализатор... Не так трудно нажать на разрядник. Одно усилие...

Раб уже поймал в прицел грудь «гусара», но руку с парализатором отбросило вбок, пальцы сами собой разжались, а рука до самого локтя онемела, чтобы в следующий миг взорваться чудовищной болью. Незнакомец приставил ко лбу Марка свое блестящее оружие. Ствол был холодный. Он как будто высасывал из Марка тепло.

– Знаешь, что это такое, парень? – усмехнулся незнакомец. – Это игломет. Стоит мне нажать на спусковой крючок,

⁵ Тю я мерде (*фр.*) – Ты обосрался

и твою башку нашпигует отравленными иглами по полной программе. – Незнакомец помолчал, давая мальчишке уяснить сказанное.

– Не надо... – прошептал Марк.

– Я не хочу тебя убивать. Потому что прилетел на эту фекальную планету ради тебя, приятель. Запомни это и больше не испытывай меня. Ты мне нужен живым. – Незнакомец отступил и спрятал игломет. Потом поднял парализатор Гарве. – Где браслет?

– Он у меня в кармане.

– Давай сюда... Только очень медленно.

Марк не сразу нащупал карман. Извлек браслет. С изумлением увидел, что руки у него трясутся.

– Надо затащить Гарве в казарму рабов, – предложил Марк. – И связать. Тогда его могут не хватиться до вечера.

Незнакомец внимательно глянул на Марка.

– А ты сообразительный, парень. Только как же камеры слежения?

– Мы сейчас в мертвой зоне... – Марк облизнул губы. – Зачем я вам нужен?

– Объясню. Но не сейчас. Когда уберемся отсюда подальше. Чем меньше ты будешь знать, тем лучше для тебя.

“Гусар” подхватил Гарве под руки и затащил в казарму. Марк побежал следом.

– Не убивайте его... Он не лютовал, как Жерар.

– Добрый Марк, так? – процедил сквозь зубы “гусар”.

И, как шустрый паук, вмиг оплел раненого молекулярной нитью, распустив для этого один из шнуров “ментика”.

– Теперь пошли.

* * *

Без помех они вернулись в дот. Люс сидел на перевернутой пластиковой корзине и обгрызал початок маисоли.

– Ма-арк... – только и мявкнул приятель, не ожидавший возвращения собрата.

– Мы уходим, – сообщил Марк. – Инспектор нас забирает. Тебя и меня.

– Какой инспектор? – Люс перевел взгляд на незнакомца. – Этот русский гусар?.. Бородино было в про...

– Инспектор по делам невольников, – сказал Марк веско.

– Хотите маисоль? – пискнул Люс, протягивая початок незнакомцу. – С солью...

Марк усмехнулся: пока Жерар тащил его на расправу, Люс сидел здесь и жарил маисоль. А впрочем... Что еще он мог делать?

– Потом. – Незнакомец отпихнул бочку с прогоревшей ботвой, наклонился, что-то поискал на замусоренном полу и легко вырвал плиту из пола. Открылся черный провал. «Гусар» извлек из ямины несколько пакетов и свернутый в небольшую трубочку рюкзак. Незнакомец открыл один из пакетов. Внутри лежала прозрачная полоса. Спаситель Мар-

ка легко свернул ее, края соединились, и получился голубой льдистый обруч. «Гусар» отбросил кивер, надел обруч на голову, прижал палец к виску, прислушался к чему-то неведомому, удовлетворенно кивнул...

В следующий миг в руках его оказалась все та же прозрачная, ничем не примечательная полоска. Затем “инспектор” извлек из тайника серебристый бочонок. Оглядел находку и, как будто, остался доволен. Сбросил гусарскую форму, переделся в простую куртку с капюшоном и брюки. Такие носят торговцы с Юга. Те, что приезжают закупать маисоль оптом. Но все равно незнакомец не походил на торговца-южанина, как прежде не походил на гусара. Костюм гусара “инспектор” спрятал в тайник, остальные вещи сложил в рюкзак.

– А куда мы пойдем? – поинтересовался Люс.

– Мы поедем. На машине. – “Инспектор” снял с решетки початок и швырнул Марку. Тот поймал, тут же перекинул на другую ладонь: горячо.

– Но как мы уйдем? – испуганно пробормотал Люс. – Наши ошейники... Хозяин... он же прикажет нам вернуться... и мы вернемся... Мы не можем уйти, – заскулил Люс.

– Я забрал хозяйский комбраслет, – сказал Марк.

– Что? – У Люса глаза вылезли из орбит.

Незнакомец тоже принялся жевать маисоль.

– У хозяина есть флайер?

– Нет, флайера нет. Есть машина... на магнитной подушке и... – услужливо сообщил Люс. – “Тайфун”...

– Значит, в ближайшие два часа погони не будет. Пошли. И поскорее. Оба. – “Инспектор” взвалил на плечи рюкзак.

Он повернулся к выходу. Люс по-прежнему сидел на полу, ошалело глядя перед собой. Марк шагнул неуверенно. Остановился.

“Инспектор” обернулся.

– Идем, живо! – приказал он.

Марк вновь сделал только шаг.

“Час-то уже миновал, управляющий чип вновь включился”, – дошло до него.

Люс вообще не двигался.

– За мной! – прозвучал в мозгу голос незнакомца, как прежде звучал голос барона Фейра.

Марк двинулся следом. Щеки его залила краска. В этот миг он ненавидел себя и презирал. Презирал и шел. Шел и ненавидел... человека, который ему приказал. Люс поспешно кинулся вперед, оттолкнув Марка.

Они вышли из дота и зашагали через поле, но не к усадьбе, а в другую сторону. Впрочем, ушли недалеко. То, что издали выглядело штабелем корзин, при ближайшем рассмотрении оказалось машиной, прикрытой камуфляжной сетью. Незнакомец отбросил сеть, серый бочонок и часть вещей из рюкзака переложил в багажник, взял с сиденья защитный шлем с золотым кружком управляющего чипа на щитке. Кружок этот обеспечивал контакт с авто.

“Тайфун”, – определил Марк. Хозяин Фейра тоже ездит

на “тайфуне”, и надевает точь-в-точь такой же шлем. Ба! Так это же баронская машина.» Инспектор» оказывается еще и угонщик!

– Вы забрали машину барона? – спросил Марк.

– Уж если у меня его браслет, то должна быть и машина.

Логично?

– Машину вы взяли раньше.

– Не имеет значения. Садитесь, – приказал незнакомец.

Марк, и Люс безропотно подчинились, усевшись рядышком на заднее сиденье. – Молчать, что бы ни случилось. И это накиньте! – Незнакомец протянул обоим рабам светло-серые куртки из плотного нетканого материала. Он понимал, что от такого переодевания мало толку: куртка с капюшоном скроет ошейник от посторонних глаз, но первый попавшийся жандарм может потребовать откинуть капюшон и расстегнуть ворот. Особенно когда увидит низко опущенные головы и характерно вздернутые плечи – осанка мгновенно выдаст невольников.

– Граница открыта! – передал “инспектор” команду через комбраслет.

Взвыли нагнетатели, и машина понеслась напрямик над полями. Справа за овощехранилищем Марк заметил силуэты всадников. Репетируют... Но разглядеть как следует ничего не сумел: минута, и они миновали границы усадьбы. Машина поднялась, преодолевая кустарник, высаженный вдоль магистрали. “Тайфун” развернулся и помчался

над дорогой. Скорость сразу возросла. Между активизирующим полотном и днищем машины посверкивала синяя полоса.

– Кто ты? – спросил Марк, впрочем, он был не уверен, что незнакомец ему ответит.

Но тот ответил:

– Военный трибун Флакк.

Трибун?

– А трибун, это какому чину соответствует? – робко подал голос Люс.

– Чину полковника.

Откуда он? Неужели из Старой гвардии императора? О гвардейцах рассказывали удивительные вещи. Будто бы они могут появиться в любой точке Колесницы и исполнить волю императора. Только какое дело Старой гвардии до двух рабов барона Фейра? Император и гвардия заняты вопросами куда более значительными.

Навстречу беглецам попадались машины на магнитной подушке: ползли возле самого полотна окутанные синими разрядами тяжелые грузовики, над ними стайками скользили легкие скутеры. На человека в одежде торговца-южанина и двух его спутников никто не обращал внимания.

Трибун сделал пару глотков из фляги и передал ее Марку. Тот хлебнул. Оказалось – довольно терпкий и хмельной напиток. К тому же питательный: чувство голода тут же пропало. А ведь с утра, кроме початка маисоли, Марк ничего не ел.

– Куда мы едем? – спросил Марк.

– В пустынный сектор, – ответил трибун. – То есть на перевал.

Он глянул на голограмму компа, управляющего машиной.

– Почему вы взяли меня с собой? – спросил Марк.

– Я же сказал: ты мне нужен.

– Вам нужен раб?

– Нет. Мне нужен именно ты, Марк. Ты не всегда был рабом. Ты родился свободным. И не здесь...

– Не здесь, – эхом отозвался Марк.

Да, когда-то была другая жизнь на другой планете. Но воспоминания о том времени сохранились весьма смутные. Обрывки, осколки. Яркие картинки, отдельные фразы. Чьи-то лица... До пяти лет он жил вместе матерью на Вер-ри-а. Колониальная планета – сплошная торговая фактория, здесь продавали все, что можно купить в галактике, и даже то, что нельзя купить, тоже предлагали – из-под полы. На всю жизнь Марк запомнил запах Вер-ри-а – аромат пряностей, смешанный с испарениями эршелла, и еще какой-то сильный цветочный запах (груш, яблонь?) Он не знал, что за сады росли на Вер-ри-а, но помнил: в ту последнюю весну на Вер-ри-а деревья были сплошь облиты темно-розовым цветом, а тротуары, площадки для скутеров, плоские крыши домов засыпаны свернувшимися лепестками. Улицы, забитые народом, голограммы вывесок. В память врезалась одна – на ней какая-то женщина с тяжелыми медными волосами поворачи-

валась, то выгибаясь, то делая сальто, а вокруг нее порхали прозрачные стрекозы. За порханием разноцветных стрекоз Марк мог следить часами. “Что это, мама?” – спрашивал он.

“Реклама новых космических челноков, дорогой”.

“Для чего они?”

“На космическом челноке можно улететь с планеты”.

“Я хочу такой”.

“Ты хочешь улететь от меня, глупенький?”

“Нет, я хочу поспать... там так интересно, во сне...” –

Он любил свои замечательные сны. И главное, в своих снах Марк был почти всегда взрослым и совершал такие удивительные вещи...

“Ты никому не должен рассказывать про эти сны, сынок, они твои, только твои”, – говорила мать.

Значит, он все-таки видел сны когда-то.

Воспоминания шли обрывками. То розовое щедрое цветение, а потом сразу, поперек ярко-синего неба (на Колеснице оно никогда не бывает таким синим, а всегда как будто дымкой подернуто) падающий конус антигравитационного генератора. Потoki фиолетовых и белых искр, а посреди голубого черное дрожащее пятно, и из рваной дыры вываливаются белые круглые шары, на них невозможно смотреть, они спят... А потом рассыпаются пригоршнями разноцветных огоньков. Вот наискось прорезая небо, проносится звено серебристых треугольников. Марк знает, что это планетарные истребители, способные летать и в атмосфере, и в космосе.

Он видел их много раз – в последние дни они появлялись часто. Теперь истребители полого уходят вверх, оставляя за собой пушистые белые нити, которые повисают в воздухе и не опускаются вниз. Истребители превращаются в россыпь серебряных точек, и тогда им навстречу мчатся другие точки, куда более крупные и темные. И опять вспыхивают огоньки. Обычно один яркий, а вокруг много других, помельче...

А потом лавина оранжевого огня. Исчезают вышки космодрома, крыши домов, и сразу после огня – каменное крошево, пыль, они с матерью лежат в какой-то яме, сверху их накрывает легкая ткань, осколки металла и камней сыплются на эту ткань, но не причиняют им вреда.

“Сейчас... сейчас все кончится...” – повторяет мать.

Марк чувствует, что задыхается, ему не хватает воздуха, он хочет вырваться, хочет бежать, но мать не пускает его, вжимает в серый душный песок. Песок набивается в рот и нос, не дает дышать. Марк задыхается. Потом сила в маминых руках исчезает. Они становятся совершенно безвольными, какими-то тряпочными. Вместо силы Марк ощущает одну только непомерную тяжесть материнских рук. Он кричит. Но мама почему-то ему не отвечает.

Очень жарко. Жар идет снизу и сверху.

А потом сразу провал. Тьма. Боль. Или он потом придумал, что была боль? Да, если тьма, то и боль... они рядом. Но когда свет, не значит, что хорошо. Потому что потом свет был ослепительный.

Марк стоял в каком-то помещении с белыми стенами, вместе с другими детьми. Голыми, дрожащими, голенастыми. У всех губы дрожат, но дети боятся плакать от страха. Нет, один, кажется, решился. Закричал.

Марк не понимал, что происходит.

Сначала их поливали вонючим раствором, потом они шли босиком по холодному скользкому полу, белому, как все вокруг. Девочка слева от Марка поскользнулась и упала. Тогда он заметил, что у нее на шее желтый ошейник с высоким назатыльником. Да, детей было много, все они были голые, обритые наголо, даже брови сбриты, но у одних были ошейники, а у других нет.

“Еще один...” – услышал Марк мужской голос, и чья-то сильная рука выдернула его из толпы.

Мужчина взял его на руки, поднял высоко над головой. Марк увидел очень бледное лицо с тонкой полоской губ, черные, лишенные ресниц глаза. Марк задохнулся от отвращения и страха. Мужчина втолкнул Марка в маленькую комнату, где были еще два мальчика, а за столом сидела женщина в зеленой бесформенной рубашке.

– Сделай анализ генетического кода и запиши номер. – Мужчина подтолкнул Марка к столу женщины. Стол был пуст, на его белой поверхности горели красные значки световой клавиатуры. Дверь захлопнулась.

Зато отворилась другая дверь, из нее вышел какой-то человек. Мужчина? Женщина? Не разобрать. Потому что весь

с головы до ног человек был окутан мутной пленкой, и только лицо его под блестящим колпаком можно было разглядеть – острый нос, близко посаженные глаза, безгубый рот. При каждом движении он весь шуршал, а на запястьях у него вспыхивали разноцветные браслеты, синие и красные. Марку показалось, что он различает какие-то цифры. Он уже тогда знал цифры...

Шуршащий человек ткнул пальцем в Марка и сказал женщине:

– Идентифицируй.

В следующий миг женщина ухватила Марка за шею, притянула к себе, раскрыла ему рот, чем-то кольнула в щеку, затем шуршащий человек подхватил Марка на руки и записал в кокон. Там было не шевельнуться – руки и ноги тут же обездвижились. Марку показалось, что он и дышит с трудом. Он хотел закричать, но не мог. Он даже губами шевельнуть был не в силах. Глаза сильно резало, как будто в них попал песок. Тут Марк почувствовал, как в шею что-то впилося. Что-то холодное, мерзкое. Игла? Почудилось, что это живая тварь: она вгрызалась все глубже и глубже. Ужасная боль. Но он не мог закричать.

А потом провал. Похожий на те провалы, что называют сном рабы барона Фейра. Мертвая тьма.

Тогда такой провал случился впервые.

Маленький Марк очнулся в большом помещении. Здесь светила одна-единственная мутная желтая лампа, дети лежа-

ли прямо на полу.

Марк тронул пальцами шею, и понял, что ему надели ошейник.

Пять лет он был свободен... пять лет... и двенадцать лет прожил рабом...

* * *

– Эй, Марк, что с тобой? – потрянул его Люс за плечо.

– Ничего. Просто вспомнил...

– Что именно?

– Другую планету. Иную. Вер-ри-а.

– А вы из Старой гвардии императора? – спросил у трибуна, набравшись смелости Люс.

– Нет, – отвечал Флакк.

– Так вы не “старик”? Тогда кто? И что вам, ма фуа, нужно? – спросил Марк.

– Я – военный трибун Четвертого сдвоенного космического легиона Республики Луций Валерий Флакк.

– У императора нет Четвертого сдвоенного легиона... У него нет легионов, кроме иностранного. Только дивизии, корпуса, бригады... – Марк осекся, потому что сообразил, что трибун произнес не “императора”, а “Республики”. – Так вы...

– Я с Лация. Догадался, наконец? – Впрочем, в голосе Флакка не было торжества или превосходства. Он говорил,

как всегда, ровно.

– Но я-то вам зачем? – растерянно пробормотал Марк.

– Если кратко: ты мой дальний родственник. Я должен тебя спасти. Остальное объясню потом.

– А я?.. – спросил Люс.

– Тебя прихватил за компанию.

– Ничего не понимаю. Ведь я жил на Вер-ри-а... – сказал Марк.

– А родился ты на Лации. Когда с тебя снимут ошейник, ты многое вспомнишь...

– Снимут ошейник? – Марк обомлел. – Вы же меня убьете...

– Да нет же... С чего ты взял?

– Так на Колеснице казнят рабов. Или вы не знаете? – Марк вздохнул. – На Лации, наверное, ничего о нас не знают. Иначе вы бы не вырядились в этом году русским гусаром. Так вот, если раба приговаривают к смерти, его отводят в подвал и снимают ошейник. Раб без ошейника лежит на полу. Хлеб и воду ставят в противоположный угол камеры. Рядом никого. Никого, кто бы дал напиток, или протянул крошку хлеба. Вода и хлеб... Они слишком далеко, не дотянуться. Встать раб не может. Потому что изуродованная шея не может удержать голову, будет голова болтаться на туловище, как шарик на веревочке. Разумеется, тут же переломятся позвонки и... крак. Смерть... или паралич... И так приговоренный лежит, лежит, боясь пошевелиться. Он понима-

ет, что рано или поздно умрет, что выхода нет. Но пока раб лежит, он живет. Гадит и мочится под себя, боится спать, потому что во сне может резким движением сломать шею. Иногда смельчаки пытаются придерживать голову руками и ползти... ползти за водой и хлебом. Но они умирают... все. Говорят, лучше сразу встать. Встать и умереть. Тогда смерть неминуема... А мучения краткие.

– Вот глупец, – покачал головой Флакк. – С тебя снимут ошейник и заменят протектором на первое время, пока мышцы не восстановятся. Или ты всю оставшуюся жизнь хочешь быть рабом?

– Я что, получу свободу? – Марк задохнулся.

– Конечно!

– Честно говоря, никогда о таком не слышал. На Колеснице никто не отпускает рабов на волю. Ошейник разомкнут лишь после смерти. Когда со старого раба снимают ошейник, шея у него тоненькая, с пепельной сморщившейся кожей, точь-в-точь у куренка. Я видел однажды... – Марк передернулся.

– И что... все годы с тебя ни разу не снимали ошейник?

– Конечно. Только вшивали куски пластика. Погодите... Но раб без ошейника сходит с ума. Как же так? Я тоже того... рехнусь?

– Это все сказки, малыш. Ты станешь свободным – только и всего.

Он станет свободным... Марк огляделся, как будто видел

окружающий мир впервые. По краям дороги тянулись деревья в осеннем красно-желтом наряде. Вдали синели отроги Диких гор. Все краски вдруг сделались ярче, воздух – прозрачнее, и даже стойки стабилизаторов вдоль дороги стали мелькать чаще. Свобода? Что это такое? Марк не мог представить. Он был свободен в детстве. “Свобода” и “детство” слились в его сознании.

– Желаете подключиться к ведущей шине магистрали? – спросил управляющий компьютер “тайфуна”.

– Нет. Автономный режим, – приказал Флакк.

Они проехали еще три километра без приключений. Но у границы сектора Фейра их обогнал жандармский скутер. Мигнули сигнальные огни, “Остановиться!”, – велел механический голос.

– Останови! – приказал машине трибун.

“Тайфун” тут же завис над дорогой.

Жандарм спрыгнул со скутера, подошел. Марк разглядел на синем мундире нашивки сержанта. Трибун, не поднимаясь, протянул руку. Жандарм коснулся своим комбраслетом золотого, украшенного драгоценными камнями комбраслета на руке Флакка.

– Добрый вечер, барон Фейра! – воскликнул коп, подобострастно глядя на трибуна и сгибая спину. – Хороша ли дорога, мсье? Достаточно ли гладкая для барона Фейра?

– Камней пока не встречал, – последовал ответ.

Жандарм отступил, и “тайфун” помчался дальше.

Марк не помнил, как уснул. “Тайфун” слегка покачивался, унося его все дальше от усадьбы Фейра, и незаметно вкрадчиво убаюкал. Марк на миг прикрыл глаза, а когда открыл, все вокруг изменилось. Осенний день короток. Небо все более наливалось красным. Фаэтон должен был вот-вот сесть, и Селена Прима, сейчас желтая, круглая, как зерно маисоли, висела в небе. Дикие горы темнели уже вдали, за спиной, а сама машина мчалась по пустынной дороге. И вокруг лишь скалы, красноватый песок, кусты серой пыльной травы. Попадались отдельно стоящие деревья – серые морщинистые стволы, все в наростах, толстые ветви увешаны плотными шарами мелкой жесткой листвы. Стадо низкорослых местных оленей трусило, не обращая внимания на несущийся над дорогой “тайфун”. Там, за перевалом, который беглецы недавно миновали, остались поля красноватой земли, влажная пышность зеленых лесов с воплями древесных ящериц и уханьем ночных птиц, богатые усадьбы и сонные городки. Здесь же была скудость полупустыни, где всегда мало дождя, мало еды, и смерть подстерегает на каждом шагу.

Недалеко от дороги возвышался блестящий купол, утыканный многочисленными антеннами и консолями с сенсорными блоками. Вокруг него шла полукругом “юбка” из солнечных батарей. В этой зоне немало заводов-автоматов. Ин-

тересно, они в самом деле автоматические? Или внутри копошатся, никогда не покидая купола, все те же рабы?

На месте водителя по-прежнему сидел трибун. Впрочем, непосредственно управлять «тайфуном» ему не было нужно: пока машина мчалась над дорогой, всем заведовал миникомп. Люс дремал рядом с Марком на сиденье, откинувшись на спинку.

– Скоро приедем? – спросил Марк у трибуна.

– Через пару часов. Пить хочешь? – Лациец протянул Марку бутылку.

Юноша сделал глоток. Вода оказалась тепловатой. Перекусить пришлось пищевыми таблетками. Марк разбудил Люса и отдал приятелю половину своего ужина.

– Что мы будем делать? – спросил Марк у трибуна.

– Похоже, сейчас нам придется заняться вон тем летуном. Рабы обернулись.

Трибун Флакк разглядывал что-то в бинокль. Скорее всего, – черную точку в небе, что быстро росла, приближаясь.

– Полицейский флайер, – сказал наконец трибун.

– Это... за нами? – шепнул Люс.

– Спросить не успеем, – усмехнулся Флакк. И приказал компу: – Открой багажник.

Крышка багажника «тайфуна» поднялась, и оттуда выпрыгнул серебристый бочонок. Тот самый, что трибун ранее хранил в доте. Отделившись от машины, бочонок на мгновение завис над дорогой, потом выпустил струю горячего газа

и поднялся метров на десять. Развернулся. Тонкий красный лучик блеснул, коснулся корпуса флайера и тут же исчез. Потом вновь возникла красная светящаяся черта. На корпусе летящего флайера взбухла ослепительно яркая полоса, и машина развалилась надвое, работающие нагнетатели разнесли обе половины корпуса в разные стороны. Вниз посыпались люди, незакрепленные приборы и багаж. Прежде чем рухнуть, одна половинка флайера, повинувшись агонизирующему разуму искина, выпустила ракету. Но едва ее серебристый корпус возник на фоне гаснущего неба, как красный лучик впился в него, следом второй луч разрезал ракету пополам. Она рассыпалась брызгами белых и красных огней, напоминая фейерверки, которые так любят запускать в новогоднюю ночь, чтобы потом из этих огоньков сложились огромные алые буквы, а из них слово – “НАПОЛЕОН”. Но сейчас никакого слова не сложилось. На фоне заката причудливо извивались полосы серовато-желтого дыма. Бочонок замыкал круг над останками флайера. Вновь прицельный луч наметил жертву среди рухнувших обломков. Белая вспышка, обломки, брызги пламени...

Расправившись с преследователем, бочонок догнал “тайфун” и скользнул в багажник.

– Вот это да! Автономный бластер! – ахнул Люс.

– Засада впереди! – сказал Флакк.

Далеко впереди громоздилось что-то бурое, огромное, будто поперек дороги была возведена стена.

– Видимо, нашли Жерара... или Гарве, – решил Марк и добавил обреченно: – Теперь нам не уйти.

– Цель по курсу! – отдал трибун приказ автономному бластеру.

Бочонок устремился вперед. А “тайфун” свернул с дороги и помчался прямо над высохшей, залитой красными лучами пустыней. Гравитационные разрядники лишились дорожной опоры, и летучая машина начала рыскать.

– Так нас сложнее засечь, – пояснил трибун.

Над дорогой полыхнуло оранжевым. А потом прикатился грохот...

– Жандармы решат, что это мы там взорвались! – воскликнул радостно Люс.

Марк в этом сомневался. Видимо, как и трибун.

– Нет, они будут нас искать, но это не... – Флакк не закончил фразу.

“Тайфун” подбросило в воздух, перевернуло вверх дном, грохнуло о камни, смятая корпус. Вновь подбросило и вновь перевернуло. Марк не успел испугаться. Амортизатор стиснули тело с двух сторон, стало трудно дышать и невозможно пошевелиться. Марк лишь смотрел, как кувыркается перед глазами красное небо с оранжевым диском Фаэтона в центре. Краем глаза он заметил, искаженное лицо Флакка почему-то прямо перед собой. И еще – брызги красного, летящие во все стороны во время каждого кувырка. Потом Марка ударило в грудь, он задохнулся и потерял сознание.

“Черт... надо было ввести в бой Старую гвардию...”, – сказал кто-то в темноте.

* * *

– Кажется, приехали...

Марк попытался разлепить глаза. Веки запорошил песок. Проклятый песок набился в рот. И нос. Как тогда в детстве. Во время штурма Вер-ри-а. Но теперь во рту еще было полно крови. Крови, смешанной с песком. Марк стал отплевываться. Получалось плохо. Закашлялся. Боль тут же вспыхнула в затылке и под ребрами.

– Ползи сюда, – сказал все тот же голос.

Марк, наконец, проморгался и открыл глаза.

Пустыня вокруг казалась серебристо-серой, залитая светом двух лун Колесницы. Селена Прима и Селена Секунда старались всюю. Против первой луны Селена Секунда казалась огромной, она висела как раз над кромкой Диких гор, и вокруг ее белого лика дрожал розоватый ореол. Кроме двух Селен в небе двигались еще несколько ярких точек – боевые орбитальные станции Колесницы.

– Я жив? – зачем-то спросил Марк, сплевывая песок с кровью.

– Пока. Но возможно, это продлится недолго.

Юноша с трудом узнал голос трибуна. В метрах в десяти справа вверх днищем лежал “тайфун”. От искореженного

корпуса поднималась скудная струйка черного дыма. Неподалеку сидел, прислонившись к камню, Флакк. Он почему-то сжимал двумя руками ногу. Люс лежал тут же рядом ничком и не двигался.

Марк встал на четвереньки. Выпрямился. Его шатало.

– Как... кто... – он и сам не знал даже, о чем хочет спросить. Мысли путались. – Люс... – наконец выдавил он.

– Ничего страшного. Небольшая контузия. А вот со мной – хуже. Помоги перевязать. Там. В машине... Должна быть аптечка. Красный контейнер... Ищи...

Марк пошел к искореженной машине. В ушах шумело. Кроме того, он не мог точно определить расстояние. Протянул руку и схватил пустоту. Присел на корточки. Вгляделся, часто моргая. Потрогал какую-то железяку. Отдернул руку: обломок оказался горячим. Перевернуть “тайфун” юноша не мог. Машина лежала, опираясь на изуродованную раму. Под раму можно попробовать залезть. Марк лег на спину, оттолкнулся ногами... и очутился под грудой металла и дымящегося пластика. Почти сразу разглядел под вывернутым сиденьем что-то красное. Аптечка. Ему повезло. Дотянулся, хотя и не сразу. Извиваясь червем, выполз обратно. Почему-то только теперь подумал, что залезать под машину было безумием. Может быть, Флакк отдал ему приказ через комбраслет? Марк нахмурился. Разве?.. Нет. Приказа не было. Марк сделал это сам. По *своей* воле.

Прихватив аптечку, Марк вернулся к раненому.

Трибун по-прежнему пытался зажать кровоточащую рану. Пальцы его в лунном свете казались черными. “Это кровь”, – сообразил Марк.

– Молодец, парень. Я бы взял тебя в свою когорту. Теперь достань баллончик с регенератором. И дай сюда. Сам держи здесь. Надави. Сильнее. Надо остановить кровь. Ну же! Сильнее дави!

Марк зажмурился. Он не желал видеть, во что превратилась нога Флакка. Повыше колена какая-то неровная яма, полная густого желе.

“Только бы не потерять сознание”, – подумал Марк. Его мутило. То ли после взрыва “тайфуна”, то ли от вида крови.

Слышалось слабое шипение: трибун заливал рану регенерирующим составом.

– Ну, кажется все... Идти я, конечно, пока не смогу... Эй, да открой ты глаза, открой, кому говорят! Ты что, уплыл? – Флакк тряхнул юношу за плечо.

Марк вздрогнул и очнулся.

– Гляди, какая великолепная нога... – хмыкнул раненый.

– Точно... как новенькая.

Нога выглядела, как ненастоящая: вместо кожи гладкая пленка. Трибун надел себе на руку манжету с искусственной голубой кровью. Манжета сжималась на глазах: раствор уходил в вену катастрофически быстро. Сколько таких манжет имеется в запасе, Марк не знал.

– Мы очень быстро приехали, – заметил он с мрачной

улыбкой.

– Хозяйский “тайфун” не был оборудован минными ловушками. Я этого не учел.

– Тю а мерде, – сказал Марк, решив, что трибун его вряд ли поймет.

– И притом жидко, – согласился Флакк. – Колесница и Лаций когда-то воевали... – пояснил на всякий случай.

Люс уже пришел в себя и теперь сидел на песке, скрестив ноги и обхватив голову руками. Лицо у него было совершенно отсутствующее. А волосы синие – перемазанные эршеллом. К счастью, эршелл не горит.

– Люс, – Марк осторожно тронул приятеля за плечо.

– Я сейчас пойду... я сейчас пойду... пойду... пойду... – забормотал Люс.

– Это я, Марк...

– Пойду... пойду... пойду... сейчас...

– Ма фуа! Похоже, у него накрылся чип, – прошептал Марк. – Сбрендивший чип сведет с ума... Я видел. Это точно. Это не сказки. Клянусь Фаэтоном!

Но трибун и не собирался спорить. Отталкиваясь руками и волоча раненую ногу, Флакк придвинулся к Люсу, вытащил из нагрудного кармашка металлический стержень.

“Щуп”, – догадался Марк, и его затошнило.

В следующий миг из цилиндра высунулась блестящая игла. Флакк приподнялся, и всадил иглу в щуп ошейника. Люс вздрогнул, дернулся и обмер. Глаза остекленели, с нижней

губы, пузыряться, потекла струйка пены.

– Не смотри, – посоветовал трибун.

Марк отвернулся.

“Я выглядел точно так же...” – мелькнула мысль.

– Мне удалось ослабить связь Люса с ошейником. Примерно на час. Потом процедуру придется повторить.

– Сколько р-раз... – Голос предательски дрогнул.

– Все зависит от того, как быстро мы пойдем.

– Что произошло? – спросил Марк. – Ну... почему взорвалась машина?

– Мина-ловушка, – отвечал Флакк. – Торчала здесь еще с последней войны. Разрядилась на девять десятых. Иначе бы от нас мало чего осталось. Иди, посмотри, что стало с транспортной платформой. Вряд ли ты сможешь меня далеко утащить на закорках без компенсаторов. Да скорее. Ты что, спишь на ходу?!

Марк направился к разбитой машине. И зачем они только ушли с дороги? Ехали бы себе и ехали. Там, правда, засады одна за другой... Ну а здесь мины. Транспортную платформу удалось найти быстро. Но, увы, в плачевном состоянии. Антигравитационные сегменты превратились в крошево. Уцелел лишь один блок из двадцати.

Марк вытащил его из груды хлама и принес Флакку.

– Негусто. Один блок компенсирует пятьдесят килограммов, не больше. Остальные килограммы придется отрывать от планеты твоим хилым мускулам. А теперь ложись, – при-

казал он Марку. – И приятеля своего уложи. Тут, за камнем.

Они послушно приникли к остывающему песку. Послушно, как и положено рабам.

Люс не сопротивлялся, когда его ткнули лицом в песок – кажется, он не понимал, что происходит. Трибун накрыл их серым полотнищем. Оно казалось плотным, но сквозь «ткань» можно было видеть свет, даже очертания огромного камня, за которым они схоронились. Марк вспомнил тот защитный плащ, что накрывал его и маму с головой во время взрыва на Вер-ри-а.

Трибун приподнялся. Марк почувствовал, как напряглось его тело. Вспыхнул луч бластера...

– Зажмите уши, – приказал Флакк и рухнул рядом на песок.

Люс приказ услышал, но не понял. Марк кое-как сумел прижать к ушам ладони Люса. Потом заткнул уши сам. Тут и рвануло.

Сверху на ткань сыпался песок, летели камни. Марк не чувствовал ударов. Как не чувствовали их Люс и трибун.

– В войну мины-ловушки делали часто с двойным зарядом. На первом подорвется кто-нибудь, legionеры спешат на помощь, набегут, а тут сразу второй взрыв, мощнее первого. Любой наблюдатель в жандармской префектуре решит, что взорвалась мина-дубликат.

Марк поднялся, глянул на столб дыма и чудовищный черный остов, торчащий посреди оплавленного песка.

– Пошли! – этот приказ прозвучал в мозгу Марка, отданный через комбраслет барона Фейра. Юноша вздрогнул и повернулся к Флакку. За последние часы он позабыл, что кто-то имеет право отдавать ему приказы. От обиды у Марка задрожали губы, но он не посмел противиться. Прикрутил ремнями к спине обломок транспортной платформы, потом взвалил трибуна на спину и зашагал к зарослям мощных, но почти не дающих тени, деревьев.

– Люс пусть идет впереди тебя, – продолжал руководить Флакк. – Он соображает плохо. Может затеряться.

Они шагали так с час. К исходу этого часа Марк полностью выдохся. Даже если учесть работу компенсационного блока, Марк тащил на спине килограммов сорок или пятьдесят.

– А ты летал на истребителе, трибун?

Марку казалось, если они будут разговаривать, то идти станет легче.

– Я летал и на челноке, и на звездолете класса “циклоп”. Ничего особенного. Вся премудрость: общаться с искином и не требовать от него невозможного. Дрянная посуда, не знаю, почему ее до сих пор не сняли с вооружения. Но это так... по долгу службы. А долг мой – командовать космическими легионерами.

– У них тоже есть ошейники? – спросил Марк.

– Нет, конечно. С чего ты взял?

– Как же вы отдаете команды?

– Через комбраслеты.

– И легионеры слушаются?

– Отлично выполняют приказы. Погоди!.. Великолепно!

Остановись здесь!

Марк замер.

Трибун указал на черную нору в песке:

– Логово песчаного тигра. Залезайте. Живо! Люс! Куда его понесло?!

Марк опустил раненого на песок и побежал за приятелем, который брел дальше, не обращая внимания на окрики трибуна. Знаками указал на дыру под корнями огромного безлистного дерева.

Люс покорно встал на четвереньки и заполз в нору. Следом Марк затащил раненого трибуна. Втроем они укрылись в зверином жилище без труда.

– А что если явится хозяин? – спросил Марк. – В этом случае я бы предпочел нору песчаного кролика.

– Норки кроликов тоже есть. Мы прошли мимо, а ты их не заметил. – Отозвался Флакк. – Не знаю как ты, а я вряд ли помещусь в домике песчаного кролика... К тому же... кролики больно кусаются. Мне в детстве один такой малыш откусил палец. А знаешь, как противно таскать двенадцать дней на руке регенерационную камеру?

– Долго мы будем лежать здесь? – спросил Марк, после того, как они устроились в пустующем логове. – Зачем мы здесь? Чего ждем?

– Для раба ты задаешь слишком много вопросов. Будь добр, помолчи.

Воняло отвратно. К тому же прямо под боком у Марка валялись осколки крупных костей, пожалуй, даже крупнее человеческой берцовой кости. Пока светил ионный фонарик, Марк сумел разглядеть, что кости обглоданы дочиста.

– Надо подождать, пока явятся жандармы и на месте установят, что от нас не осталось даже молекул, пригодных для анализа. – Трибун говорил шепотом. Все приборы они выключили, кроме одного датчика: его голубой глазок светился в темноте. – Что-то они не торопятся. Видимо, в самом деле, уверены, что мы мертвы. Нет, ошибаюсь. Мчатся.

– Они не засекут нас?

– Нет. Только тихо. Жандармы для виду могут сделать пару кругов вокруг места аварии. Мне бы не хотелось, чтобы эти кролики откусили нам пару пальцев.

А что, если выскочить из норы и бежать, бежать? Рвануть хотелось невыносимо. Так хотелось, что сводило ноги, и для того, чтобы остаться на месте, приходилось царапать ногтями дно пещеры.

– Не могу... – прохрипел Марк. – Бежать надо.

– Тихо! – выдохнул Флакк. – Лежать! И молчать! – прозвучало в мозгу.

Марк послушно распластался на песке. Теперь он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, ни закричать. Хотя кричать хотелось невыносимо.

* * *

Жандармы пробыли на месте аварии дольше, чем предполагал трибун. Флакк успел сменить манжету с голубой кровью, а датчик показывал, что жандармы все еще осматривают место катастрофы. Желание Марка бежать несколько ослабло. Он уже мог сам справляться с собой, вмешательства извне не требовалось.

“Я слишком привык, чтобы мной управляли, – без труда проанализировал Марк случившееся. – Теперь, лишившись приказов барона Фейра, потерял голову. Буквально. Флакк правильно сделал, что отдал мне приказ через браслет. А если попробовать самому себе отдать приказ? Интересно, получится? Нет? Эй, Марк, дружище, будь добр, перевернись на другой бок”.

Он без труда перевернулся. Отлично. Это уже кое-что.

– Прекрати ворочаться! – прошипел трибун.

“А теперь пойми, что от тебя сейчас зависит жизнь остальных. Флакк ранен, Люс не в себе. Если ты будешь трусить,

то угробишь остальных...»

В этот раз получилось не до конца. Полицейских он бороться не перестал, но страх померк, с ним уже вполне можно было справиться, как с коликами в животе после обильного обеда в день рождения барона Фейра – единственный день, когда рабов кормили до отвала.

– Похоже, вигилы... то есть жандармы, собираются отбыть, – шепнул Флакк. – Все, улетают. Не дыши! – приказал он через комбраслет.

У Марка тут же прекратилось дыхание. Как ни силился он вздохнуть, губы беспомощно хватали воздух, но в легкие не попадало ни капли. Он же так умрет! Зачем! Прекрати! Марк схватил трибуна на плечо и с силой встряхнул. Вымолвить он не мог ни звука, лишь хрипел.

Скорее же! Скорее! Еще миг, и Марк потеряет сознание.

– Дыши! – шепнул Флакк, догадавшись, что произошло.

Марк судорожно втянул в себя воздух.

– Мерд! Зачем? Зачем?

– Ты что, напрямую воспринимаешь любые приказы? – обескуражено прошептал Флакк.

– Через браслет... Да... – выдавил Марк между частыми вдохами.

Выждав немного, трибун велел вытащить себя наружу. Огляделся, поводит из стороны в сторону приборчиком.

– Можем уходить. К утру нам нужно добраться до челнока. Идти придется всю ночь.

– Идти и нести тебя, – уточнил Марк.

– Понесешь, – кратко отозвался трибун. Опять его приказ прозвучал в мозгу.

Люс был совсем плох; несмотря на повторную инъекцию, он почти не разговаривал и двигался как сомнамбула.

Из норы Марку его пришлось вытаскивать, как раненого трибуна, – на себе. Селена Секунда уже обошла полнеба. Скалы и песок вокруг сияли серебром. Где-то совсем недалеко за грядой песчаника раздавалось громкое уханье, Марк не знал, что за зверь так кричит, и невольно ежился.

Флакк уже мог двигаться, опираясь на корявый сук вместо трости. Трибун снял с запястья управляющий браслет барона Фейра, положил на камень.

– Помоги мне отойти на десяток шагов, – приказал он Марку. – И достань из багажа бластер.

Раб все исполнил. Флакк вынул бластер из кобуры. Прицелился. Блеснул луч, и браслет развалился на части.

– Теперь тебе никто больше не сможет приказывать, – сказал трибун, протягивая Марку кобуру с оружием. – Повесь себе на пояс. Неизвестно, с кем придется встретиться.

Ношу распределили, как прежде: Марк должен был нести раненого трибуна, Люс – мешок с припасами, оружием, запасными батареями и инструментами. Мешок, впрочем, сделался немного легче: перед тем, как отправиться в путь, они перекусили хлебом из маисоли, белковыми таблетками и вином. У трибуна имелась при себе небольшая бутылка. Все вы-

пили из нее по паре глотков. Марк никогда прежде не пил настоящего виноградного вина и чуть-чуть захмелел даже. Правда, на кухне, случилось, рабы допивали из бокалов шампанское, бургундское... кому-то и глоток коньяка доставался... Но Марк никогда не пробовал опивки за господами. Гордость мешала. Гордость... Никому он об этом не говорил. Его бы подняли на смех. Гордость! Какая у раба может быть гордость?!

– Фалернское вино великолепно, – объявил трибун. – Лучше, чем на Старой Земле.

– А если бы я был ранен? Ты бы бросил меня? – спросил Марк. – Или так же тащил на себе?

– Никто не слышал, чтобы патриций Лация бросил раненого друга и ушел. И никто не слышал, чтобы космические легионеры наплевали на своего товарища.

– Разве я твой друг?

– Ты можешь им стать.

Марк вспомнил тестирование ошейника и закусил губу. Не слишком удачное начало дружбы. Но с другой стороны... Он поглядел на изуродованный браслет. Приказов больше не будет!

М-да... Ведь теперь бывший раб может бросить раненого и уйти: Флакк над ним больше не властен. Рабский ошейник по-прежнему есть, а господин исчез. Юноша покосился на трибуна. Тот улыбался. Марк был почти уверен, что трибун думает о том же самом.

“Я отношусь к своим рабам как строгий отец, – вспомнились наставления барона Фейра, которые чип по утрам транслировал в мозг рабов. – И требую послушания. Беспрекословного выполнения приказаний...”

Чтоб тебе дожить до Ватерлоо, хозяин!

– Ладно, пора двигаться. Седлай своего скакуна, трибун. – Марк поднял блок платформы, выпрямился и застыл.

Перед ним всего в десятке футов на скале сидел, подобравшись, песчаный тигр. Зверь походил на статую, отличную из серебра, но горящие желтые глаза его выдавали, да еще подрагивал ядовитый коготь на кончике хвоста, да летучий воротник начал приподниматься – это означало, что тигр вот-вот прыгнет. Марк не мог пошевелиться. Он даже позабыл, что у него на поясе висит оружие.

– Вправо! – услышал Марк возглас трибуна.

Марк прыгнул, будто не на песок падал, а нырял в воду. Он еще не успел удариться локтями и боком об острые камни, как увидел, что зверь взвился в прыжке, и одновременно в воздухе блеснули серебристые иглы.

Зверь издал не рев, и даже не крик, а какой-то всхлип, тяжкий выдох всей грудью. Когда поднялся, песчаный тигр лежал на песке, вытянувшись, и огромные его лапы, увенчанные острыми черными когтями, беспорядочно раскинулись. Задние, впрочем, еще дергались, как и ядовитый шип на хвосте. Воротник, помогающий “тигру” совершать его невероятные прыжки, по-прежнему топорщился. Марк подошел.

Один глаз тигра сделался лимонным и остекленел, второго не было вовсе – две из десятка игл угодили в правую глазницу.

– Великолепная тварь... – заметил Флакк.

– Ты спас мне жизнь... – Марк запнулся, не зная, какими словами раб должен благодарить патриция с планеты Лаций. Но трибун, казалось, не заметил его растерянности.

– Ну, так запомни, чем ты мне обязан, когда станешь Марком Валерием Корвином.

– Да, я запомню, я на всю жизнь запомню... – Марк запнулся. – Что ты сказал? Марк... Валерий Корвин? То есть...

– Я же говорил тебе: мы в дальнем родстве. Ты Валерий Корвин, я – Валерий Флакк.

– Выходит, я – патриций?

– Можешь им стать. Если сенат восстановит твои права.

– Рабу, который ничего не знает, можно рассказывать всякие байки, – скривил губы Марк и тут... в памяти всплыл вчерашний разговор с Люсом.

“Список патрицианских родов Лация...”

– Люс, где твоя книга?

– Что?

– Книга!

Кажется, в первый раз за последнее время Люс оживился. Он принялся рыться в карманах, и рылся минут пять, пока, наконец, не протянул футляр Марку.

– Я ее переложил... Туда... вот... – промямлил с извини-

тельной улыбкой.

Марк включил листок пентаценовой книги. Батарейка еще работала. Хотя экран то и дело подозрительно мигал. Ага, вот и список...

“Корнелий Сципион, Валерий Корвин, Валерий Флакк...”

Выходило, что трибун не лгал.

Но какое отношение Марк имеет к роду Валериев? И почему Флакк сказал “Можешь стать”? Разве такое возможно?

– Ты внук сенатора Марка Валерия Корвина, – пояснил трибун. – Говорю тебе сейчас... потому что могу ведь и не вернуться домой. Теперь... – он облизнул пересохшие губы. – Слушай внимательно. Твой отец погиб еще до того, как ты появился на свет. А тебя дед сразу после рождения спрятал на Вер-ри-а...

– Что значит – спрятал? – переспросил Марк.

– Тебя хотели прикончить, парень. Потому что ты слишком много знаешь...

– Я знаю? – Марк решил, что у трибуна из-за потери крови и сильнодействующих лекарств начался бред. – Что я могу знать?

– Не перебивай меня. Слушай. Запоминай... Хотя сомневаюсь... что ты можешь хоть что-то важное запомнить в этом дурацком ошейнике. Так вот: если я не дотяну, возьми мой браслет... Он приведет тебя к челноку. Я перепрограммировал браслет так, что ты сможешь забраться внутрь вместе с Люсом. Ясно? В моем рюкзаке управляющий обруч челно-

ка. Та прозрачная полоска. Он управляется биотоками мозга. Искин напрямую выполняет команды... Запомнил?

– Да... – выдохнул Марк, хотя ничего из рассказа Флакка не понял.

– Садись на Звездный экспресс. Ты слышал про Звездный экспресс?

– Этой кольцо нуль-порталов, – неуверенно пробормотал Марк.

– Покинешь кольцо в следующем портале. Тебя подберет наш линкор... “Сципион”. Дальше... уж как-нибудь сам... И еще... поклянись... – трибун помолчал, собираясь с силами. – Поклянись, что расследуешь обстоятельства смерти моей сестры Эмми. Эмилии. Ее убили на Психее. Ты запомнил? Моя сестра... ее муж князь Сергей... их телохранитель... Их убили на Психее.

– Я расследую? Я? – у Марка голова пошла кругом. – Но почему я?

– Потому что ты – самый лучший следователь Лация. Великолепный следователь. Из-за этого я примчался сюда... И будь осторожен... все будут желать тебя прикончить... все... Запомни... У тебя нет друзей, кроме сестры и деда. Еще Ливий Друз... Он, конечно, шалопай, но на него можно положиться. Друзы всегда были нашими друзьями.

Трибун замолчал. С минуту Марк стоял, окаменев. Он ничего не понимал. Как такое возможно? Как мог он, мальчишка-раб, ничего не видевший жизни, нигде не учившийся и

ничего почти не знающий, быть самым лучшим сыщиком целой планеты? Или... даже не одной планеты? Марку казалось, что сердце у него трепыхается где-то на месте печенки. Хотя он точно не знал, где находится печенка. Что это? Бред раненого? Хорошо бы так думать. Но что-то ему подсказывало, что Флакк не бредит... Тогда, как он, Марк, может расследовать убийство, которое произошло на другой планете, о которой раб барона Фейра даже не слышал?

Марк тряхнул головой. К черту дурацкие вопросы! Сейчас все равно не найти ответа. Некогда! Надо шагать к челноку и спасать Флакка. И Люса заодно. Он сможет, он сумеет... Мысль, что теперь от его выносливости и силы зависят эти двое, преисполнила юношу гордости.

– Еще не Ватерлоо, трибун! – воскликнул Марк, расправляя плечи (насколько это позволял проклятый ошейник). – Я дотащу тебя до челнока. Ты сам посадишь нас на Звездный экспресс.

– Идти далеко. И нас могут настигнуть.

– Сдюжу. Я сильный. Не смотри, что ростом невелик.

– Мне и самому не хочется умирать... – слабая улыбка тронула губы раненого.

– Тогда пошли. Надо торопиться.

Марк взвалил трибуна на плечи.

На всякий случай Марк накинул на запястье Люса растяжимую веревку из псевдолатекса, чтобы тот не потерялся в ночи, и зашагал на юг, как указал ему трибун.

Марк шагал пружинисто, уверенно. Усталости, как ни бывало. Ему даже нравилось, что он несет непосильный груз. “Тяжела ноша патриция...” – всплыла откуда-то фраза. Странная фраза. Может быть, мама ее когда-то говорила на Вер-ри-а? Ноша патрициев... Тяжкая ноша. Неужели тяжелее здоровяка-трибуна?

В движении легче было осмыслить слова Флакка. Оказывается, он, Марк – хранитель какого-то знания. Чепуха, конечно. Марк – такой же невежда, как все рабы барона Фейра. Самый эрудированный человек, которого Марк знает – это Люс. Тот поглощает информацию с жадностью и без разбора. Иногда Марку казалось, что в голове приятеля должна образоваться интеллектуальная каша. Интересно, патриций Лация – это выше, чем барон Фейра? Марк усмехнулся, вспомнив, как мечтал сделаться сыном барона. Может быть, он догадывался о своем происхождении? Нет, невозможно... Но все же... Флакк явился именно за ним. Явился, рискуя жизнью, чтобы вытащить Марка с Колесницы.

“Я – патриций...” Марк пытался представить, каково это. И не мог.

И шагал дальше все быстрее.

Фаэтон всходил. На бледном, подернутом дымкой небе мутно проступала Селена Секунда, не успевшая уйти за горизонт. Еще в светлом небе виднелись черные треугольники, похожие на флайеры, летящие на большой высоте. Но это были всего лишь ящеры-монокрылы, падальщики, при-

метившие в бескрайней полупустыне добычу. Неведомо откуда появлялись все новые и новые... Заметили труп песчаного тигра.

– Но если я патриций, то почему меня не искали прежде?

– Не так легко было добраться до базы данных Империи Колесницы и узнать, где ты находишься... – отозвался трибун.

Тело раненого становится все тяжелее. Или отказывал блок компенсатора грузовой платформы? Что делать?.. Нельзя останавливаться. Нельзя быть рабом. О боги, какая тяжесть! Может быть, компенсатор уже совсем не работает?

“Если я сделаю еще один шаг, то упаду...” – решил Марк.

Он сделал и этот шаг, и второй, и третий, но не упал, а шел дальше.

“Я несу его, потому что вызвался сам, а не потому, что мне приказали”, – эта мысль казалась Марку замечательной, особенной. Но в принципе бессмысленной.

– Послушай, друг мой, – сказал трибун. – Если ты сейчас испустишь дух, вряд ли мне это поможет. Отдохни минут десять. Пока все идет великолепно. Если не считать моей изуродованной ноги и мучений Люса.

Марк остановился и тут же рухнул со своей ношей. Песок еще не успел нагреться, но ткань куртки не пропускала холод. Юноша жадно хватал губами воздух, ему казалось, что в легкие не проникает ни капли.

– Моя мать жива? – спросил Марк.

– Нет. Она погибла во время захвата Колесницей Верри-а.

Кажется, он помнил об этом, но постарался забыть. То есть, надеялся, что это не она лежала там, в пыли, среди осколков камня и бетона. От пыли ее лицо и руки стали серыми, только кое-где алые кляксы проступали, набухая, сквозь пыль.

– А мой отец? Как погиб он?

– Его челнок сгорел в момент выхода из нуль-портала.

– Это было убийство?

– Скорее всего.

Флакк замер и приложил палец к губам. Затем извлек из кобуры игломет. Сам Марк ничего не слышал. Ни звука. Даже насекомые, что трещали, шуршали и суетились в сухой траве в прохладные утренние часы, смолкли. Вот именно. Полная тишина. Кто-то подкрадывался к ним. Флакк отстранил Марка, указав глазами на кобуру с бластером. Марк едва заметно кивнул и стал расстегивать кобуру. Но не успел. Зашуршали колючки. Сразу несколько теней мелькнули в воздухе, падая на добычу сверху, с глыб песчаника.

Флакк выстрелил дважды. Кто-то сзади навалился на Марка и подмял под себя. Ухватил за горло, пытаясь сдавить. Не вышло! Рабский ошейник не давал пальцам сомкнуться в смертельном захвате. “Ха-ха!” – мысленно расхохотался раб.

Марк инстинктивно выгнул спину, подтянул колени к животу. Попытался разжать руки нападавшего. Куда там! Сил

не хватало. Тогда он резко поддал пятой точкой вверх, голову же, наоборот, пригнул к самым коленям. Нападавшего подкинуло, ноги его потеряли опору. Марк сбросил навалившуюся на него тушу и покатился по песку. Но неизвестный оказался проворен, как песчаный кролик. Миг – и он уже на ногах. Кинулся к Марку. Раб встретил его целой тучей песка. Метил в глаза. Попал. Вскочил. Боднул нападавшего в живот. Отпрыгнул назад. Наконец, рванул из кобуры бластер. Вдавил кнопку разрядника. Ослепительный луч полоснул здоровяка по ногам. Тот завопил.

– Осторожно! – крикнул Флакк.

Марк замер. Вовремя – мог бы сжечь все вокруг.

– Мы одолели, – сказал Флакк.

На песке лежали четыре неподвижных тела. Все темные, загорелые до черноты, в каких-то нелепых тряпках. И у всех – рабские ошейники. Двоих трибун застрелил, третьего прикончил ударом ножа. Лишь один из нападавших – тот, которому Марк отсек лучом бластера ноги – остался в живых и теперь корчился на песке. Лазерный луч прижег сосуды, и кровь почти не шла.

Люс с изумлением смотрел на убитых: сам он не успел поучаствовать в схватке.

– Беглые рабы, – сказал трибун.

– Беглых рабов на Колеснице нет, – тут же возразил Марк.

Флакк пожал плечами:

– Это тебе говорил хозяин. Да, раб не может сбежать, по-

ка господин жив. Но после смерти хозяина... пока ошейник еще не перепрограммировали, что мешает дать деру?

«Когда же хозяин сдохнет...» – Эта фраза сама всплывала в мозгу раба как присказка, как ругательство. На самом деле – тайная мечта. Марк глянул на мертвецов. Выходило – это его товарищи по несчастью. После смерти хозяина удрали, скитались по пескам, ловили песчаных кроликов, потом...

– Они хотели нас убить, – прошептал Марк. – Но зачем?

– Завладеть нашими пожитками, и, прежде всего оружием. Им не повезло. В том смысле, что они напоролись на космического легионера, – пожал плечами трибун.

Он вытащил из аптечки белую пластинку и протянул Марку. Кивнул в сторону обезноженного парня:

– Прилепи ему на руку.

– Что это?

– Анальгетик. И снотворное. В одной таблетке. Действует великолепно.

– Что с ним будем делать? – спросил Марк.

– Я не могу еще идти, – признался трибун. – Сотню метров, может, и проковыляю. Может быть, двести... А до челнока еще минимум два часа ходу.

– Но мы же не можем его бросить здесь умирать! Или пристрелить! – Юноша стиснул кулаки.

– Двоих ты не унесешь.

– Ты так говоришь, потому что он раб.

Флакк покачал головой:

– Мне все равно, раб он или свободный. Мне нужно вытащить тебя с планеты. Достаточно того, что я взял с собой Люса. Этот останется здесь. Живой или мертвый. Решай сам.

– Значит, это мой выбор: бросить его здесь или нет?

– Я не об этом. Решай, оставить его здесь живым или мертвым.

– Он должен жить...

– Я понесу его, – вдруг сказал Люс. – У человека половину массы занимают ноги. Так что этот тип должен быть совсем легким.

– Ты не донесешь его, – предрек Флакк.

– Я... попробую.

Флакк вытащил тестер, проверил запас инъекций. Покачал головой. Марк отвернулся.

– Держите... – трибун выдал каждому по голубой капсуле. – Стимулятор добавит вам сил для последнего перехода. – Марк покорно проглотил капсулу. Люс также. – У меня к вам просьба, ребята. Если встанет выбор, кого бросить – этого парня или меня, советую вам выбрать бандита. Я могу вам еще пригодиться.

Раненый тем временем затих. Заснул? Потерял сознание? Притворяется? На всякий случай Марк связал ему руки. Затем опрыскал культю регенерирующим составом из аптечки. Израсходовал весь баллон. Если еще кого-то ранят, придется прибегать к самодельным повязкам. Затем Марк помог Люсу взвалить ношу на спину. Флакк почему-то больше не на-

стаивал на своем предложении бросить изувеченного раба.

Марк поднял трибуна, и нелепая экспедиция двинулась в путь. Становилось все теплее. Как ни странно, шли быстро. Люс несколько не отставал. Похоже, голубые капсулы творили чудеса.

– Скоро доберемся до челнока, – сказал Флакк. – Стартуем в полдень. Тогда траектория будет оптимальной. Наш челнок обладает специальной защитой, орбитальщики его не могут засечь. Для них он невидим.

– Ты на нем прилетел на Колесницу? – спросил Марк.

– Разумеется. Не пешком же пришел.

– Жаль, что ты не подыскал место для челнока поближе, – отозвался Марк.

– Челнок, конечно маленький, но не настолько, чтобы спрятать его на грядках с вашей, как ее... ле карро.

Глава II

Наварх Корнелий

Челнок в самом деле оказался крошкой. Кто бы мог подумать, что эта малявка, эта серебристая капсула размером раз в пять больше “тайфуна” может унести в космос трех, или даже четырех человек?

Скрытый маскировочной сетью, челнок был спрятан меж скалами и ничем не отличался от желтоватого песчаника. Идеальное хамелеоново покрытие. Самым трудным оказалось погрузить раненого трибуна внутрь и пристегнуть к креслу пилота. В корабле не было ни рубки, ни пульта управления. Ничего... Лишь три кресла, несколько ребристых панелей, и какие-то отростки, что появлялись время от времени из корпуса и тут же в нем исчезали. Раненого раба запихали в грузовой ящик – другого места для него не нашлось. Зато в аптечке челнока имелся запас голубой крови и целый набор анальгетиков.

Марк расположился в кресле рядом с трибуном. Флакк вновь собрал обруч и водрузил себе на голову. Тут же управляющий обруч вспыхнул синим светом. Марк почувствовал, как невидимая сила прижимает его к креслу, и встать или даже двинуть ногой или рукой он был уже не в состоянии. Постепенно корпус челнока сделался прозрачным. Теперь окружающий желто-серый пейзаж с блеклым небом и стоя-

щим в зените Фаэтоном казался декорацией, которая вот-вот исчезнет. Вокруг челнока медленно разрасталось что-то вроде светлой вуали, она колебалась, мерцающие волны бежали по ней, вуаль реяла, поднимаясь в воздух. Челнок поднимался вместе с ней. Поверхность Колесницы осталась в сотне метров внизу, и удалялась все быстрее, по мере того как густела вуаль вокруг челнока.

– Но ведь здесь поблизости нет генератора антигравитации, – заметил Марк. – Как же он взлетает?

– У челнока свой собственный генератор.

– У этой малютки?

Флакк не ответил, лишь слабая усмешка тронула его губы.

А челнок все поднимался. Уже скалы внизу стали не больше горошины, а хребет Диких гор напоминал крошечные зубцы на макете, что устроил барон Фейра в своем саду. Неужели это тот самый хребет, что ограждал жизнь Марка непреодолимой стеной?

Челнок поднимался, голубая дымка атмосферы редела, проступили звезды, и, наконец, открылся космос, черный мрак, что лежит в основе Мира.

– А где наш корабль? – спросил Марк, вертя головой. – Твой корабль... с которым мы должны состыковаться.

– Нам не нужен корабль. Пока. Звездный экспресс доставит нас в сектор Лация, где нас и ждет космический линкор. Что ты знаешь про Звездный экспресс?

– Практически ничего.

– Полет от одного портала к другому зависит от размеров корабля и занимает от нескольких дней до нескольких часов, хотя это полет из одной звездной системы в другую. Так что приготовься. Скоро ты увидишь перед собой “Сципиона Африканского”.

– Увижу Сципиона? Кто это такой?

Флакк тихо рассмеялся:

– Это самый знаменитый линкор Лация.

Марк почувствовал, как краска заливает щеки. Флакк еще утверждает, что Марк может что-то расследовать. Вот же чушь! Чушь! Чушь!

– Марк, гляди! – закричал Люс. – Колесница! Она, как синий апельсин, который бросили в чашку с черным кофе...

– Уж скорее в бочку с кофе, – заметил Флакк.

Планета казалась не больше апельсина. Синяя, в ослепительно белых кружевах облаков.

– Красотища... – шептал восхищенный Люс. – Ма фуа! Какая красотища.

“Надеюсь, я никогда ее больше не увижу, даже из космоса”, – подумал Марк.

* * *

Прямо перед ними висел корабль. Корабль? Трудно было назвать эту махину кораблем. Язык не поворачивался. Размерами монстр напоминал астероид. Неправильные формы,

совершенно безумные обводы корпуса, один блок громоздился на другой, потому как обтекаемой формы не требовалось для корабля, который и строился в космосе, и в космосе всегда пребывал, совершая посадки лишь на планетах с ничтожной силой тяжести, да еще лишенных атмосферы.

– Линкор “Сципион Африканский”, – сообщил трибун Флакк, и в его обычно бесстрастном голосе появилось что-то, похожее на гордость. – Видишь эту чешую на корпусе? На самом деле каждая из этих «чешуек» около пятидесяти метров в диаметре, и каждая – мини-генератор силового поля, защита не только от оружия противника, но и от космического излучения. Экипаж может годами находиться на корабле, и чувствовать себя не хуже, чем на Лации.

Марк смотрел на огромный корабль и не мог ничего сказать. Все слова тут были бессильны. «Сципион» медленно поворачивался: теперь на экране был виден его нос, бесчисленные надстройки, антенны слежения и раструбы аннигиляторов. Черный конус рубки казался одиноким глазом циклопа, подозрительно наблюдавшим за царящей вокруг суетой. Подле корабля порхали челноки и платформы обслуживания, в шлюзовую щель непрерывно влетали десятки мелких корабликов, и десятки других тут же ее покидали.

– Кто может управлять подобной громадиной? – шепотом спросил Марк. – Разве что боги.

Флакк рассмеялся. Совершенно искренне. По-мальчишески. Лицо его мгновенно переменилось: черты смягчились,

а взгляд стал насмешлив и весел.

– Мой отец командовал этой машиной во время войны с Империей Колесницы. Стоит заснуть, и я всякий раз оказываюсь в рубке линкора или на одной из его палуб.

– Серьезно? – опять слова трибуна показались бывшему рабу бредом.

– Скоро и ты начнешь видеть сны, Марк.

– Я тоже буду во сне командовать “Сципионом”? – с усмешкой спросил Марк.

– Нет. В своих снах ты будешь расследовать убийства. Одно за другим.

* * *

В просторной рубке линкора царила та напряженная атмосфера, которая всегда ощущается на корабле перед входом в нуль-портал. Общее освещение было притушено. За прозрачным сферическим носом линкора на фоне черного пространства висел голубой диск Петры, третьей планеты в системе Фидес. И, создавая иллюзию множества рефлексов, светились голубым управляющие голограммы – эти игрушечные шарики, предоставленные в распоряжение людей искином корабля.

Лишь капитан Гораций сидел в кресле неподвижно и казался совершенно безучастным. От остальной рубки капитана отделяла прозрачная переборка.

– Челнок вышел из нуль-портала, – сообщил центурион, входя в отсек капитана. – Стыковочный узел подготовлен. Они сообщают, что у них раненые на борту.

– Кто ранен?

– Трибун Флакк, капитан. И еще какие-то рабы.

– Активировать госпитальный сектор, – приказал капитан и поднялся. – В стыковочный узел направить медика и носилки.

* * *

Звездный линкор! Кто бы мог подумать, что он, Марк, раб барона Фейра, когда-нибудь ступит на палубу этой летающей крепости... Крепость Республики, – если быть точным. Но Марка это нисколько не покорило. От раба не требуют преданности Империи. Или императору. Или еще кому-то... Раб должен лишь исполнять безропотно, что повелит ему господин, чей голос звучит в голове раба.

“Я не раб, – уточнил юноша. – Вернее, скоро не буду рабом... И я на линкоре”.

После того как их крошечный челнок был проглочен пастью “Сципиона” и помещен в шлюзовую камеру, удивительный кораблик Флакка тут же потерялся среди десятка военных катеров и истребителей. Антигравитационный лифт, способный в один миг выплюнуть на посадочную палубу сотню космических легионеров, домчал Марка и его спутников

до пересадочного узла верхней палубы. Здесь сходились десятки дверей, ведущие во все отсеки корабля. Десятки закрытых шлюзов напоминали начертанные белым и черным огромные буквы W.

Сразу же по прибытии, всех пассажиров, в том числе и безногого пленника, поместили в корабельный госпиталь. Это походило на заключение... Нет, конечно, это не карцер. Но все же... Крошечная каюта, койка, какой-то круглый, помигивающий синими и красными огоньками прибор, голографический экран на стене – сейчас он демонстрировал пейзаж незнакомой планеты. Оранжевый песок, деревья с темной, почти черной хвоей.

Флакк сказал, что всего через пару часов в корабельном госпитале с Марка снимут его рабский ошейник. Вместо ошейника наденут протектор, который тут же начнет восстановление атрофированных шейных мышц. Звучит заманчиво. Да, заманчиво, великолепно, как любит приговаривать Флакк. А если протектор не наденут?

Марк содрогнулся.

Нет, разумеется... с ним теперь такого быть не может. Зачем похищать раба, рискуя жизнью, а потом убивать?.. Рабы на Колесницы дороги, но не настолько же!

Дверь отворилась. Марк вскочил. Неведомо, кого он ждал... На миг, единый миг, ему представилось, что в его каюту входит Жерар. Марк весь напрягся. Но вошел не Жерар, а молодая женщина в зеленой блузе и зеленых брючках.

– Доброе утро, доминус.

– Доброе утро, мадмуазель...

Она принесла поднос с едой. Какие-то коробочки, наполненные серой или желтоватой пастой. Довольно безвкусно, хотя наверняка питательно. Служанка? Рабыня? Не похоже. Даже Империя Колесницы не держит на боевых кораблях рабов, а прибегает к услугам андроидов. Женщине на вид лет тридцать, невысокого роста, светлые волосы коротко острижены.

– Какое счастье, – проговорила она, глядя на Марка.

– Счастье? – переспросил он, не понимая, о чем она говорит. Как и у Флакка, ее всеобщий был на редкость звонким, с четким прононсом каждого окончания. На Колеснице так не говорят.

– Счастье, что старик Валерий Корвин увидит внука. Ведь ты точно его внук. Генетический анализ это подтвердил. Я тоже жду с нетерпением, когда смогу тебя увидеть.

Последняя фраза показалась Марку нелепой – ведь он и так перед ней... Но раб барона Фейра не стал переспрашивать. Быть может, это какой-то особый оборот, не известный на Колеснице?

– Ты знаешь моего деда? – этот вопрос показался Марку более уместным.

– Разумеется. На нашей планете все его знают. Твой дед потерял сына. Ты – его единственный внук. И, знаешь, мы с тобой в дальнем родстве. Я тоже из рода Валериев, только

другой ветви. К тому же я лишена ноши патрициев. Мои родители сочли, что так будет лучше для нашего рода.

“Ноша патрициев”... Опять эти два странных слова. Беглец не знал пока, что они означают.

Ему очень хотелось спросить – каков он, его дед, не слишком ли суров, не похож ли на барона Фейра случайно... Но Марк удержался. Не хотелось, чтобы кто-нибудь ему рассказывал об его родне.

“Когда встретимся, все узнаю”, – решил он.

– Меня зовут Терри, – продолжала щебетать новоявленная родственница.

– Где Флакк? Как он себя чувствует? – спросил Марк, кашлянув.

– Трибун в отдельном боксе. Как и ты. Нога заживает, Луций бодр и весел. Скоро ты сможешь с ним поговорить.

– А Люс? Как он?

“Люс, дружище...” – Марк подумал о старом приятеле с неожиданной теплотой. Ведь Марк теперь совершенно один в чужом мире среди чужих людей. И только Люс прежний. Они здесь – два раба в мире свободных.

– Ему дали снотворное и срочно сняли ошейник. Последствия контузии исчезнут в нашем регенераторе спустя несколько часов. Хуже с тем парнем, что лишился ног. Мы перевели его в искусственную кому. Полную регенерацию конечностей лучше производить на Лации.

– А когда с меня снимут ошейник?

– Скоро. Я сама жду с нетерпением. Хочется поглядеть, каков ты.

Он, наконец, понял смысл ее нелепых фраз. Пока на нем рабский ошейник, Терри его просто не видит. То есть различает внешнюю оболочку, кожу, черты лица, волосы, но как человека, как личность не воспринимает. Лицо Марка расплывается перед ее глазами мутным пятном. Он не существует. Его личность заменена куском пластика, шунтом и чипом. Подлинный Марк вот-вот появится, и Терри с нетерпением этого ждет.

* * *

– Привет, старина, как ты себя чувствуешь? – спросил Гораций, заходя в госпитальный блок.

Флакк лежал на кровати, на ноге – манжета с регенерирующим раствором. Если бы не манжета, то можно было сказать, что трибун выглядит вполне сносно.

– Дерьмово, разумеется. Но скоро мне станет легче.

– Парень что-нибудь помнит? Или пока неизвестно?

Флакк рассмеялся и покачал головой:

– Зачем тебе нужно это знать? Возвращение Корвина держится в тайне. Потерпи немного, и мы все выясним.

– Наварх Корнелий интересуется.

Флакк рывком сел на кровати:

– Ему докладывали? Ты связывался с ним после выхода

моего челнока из нуля-портала?

– Наварх здесь, на корабле.

– Что? – Флакк опешил. – Наварх Корнелий на линкоре?

– Именно. Как только твой челнок ушел в нуль-портал и отправился на Колесницу, на мой линкор прибыл наварх и заявил, что будет лично участвовать в освобождении молодого Корвина.

– Орк! – взревел трибун. Всегдашняя сдержанность ему изменила. – Но ты же знаешь, что Корнелии были под подозрением после убийства отца Марка. Префект Корвин расследовал дело наварха, когда...

– Все знаю. Но я не мог не допустить наварха на борт своего линкора.

Флакк задумался.

– Он прибыл один?

– Разумеется, нет. С ним трое телохранителей, личный медик, два офицера.

– Ты на моей стороне, капитан?

– Ты же знаешь: Горации не лезут в вашу борьбу с Корнелиями. Мы всегда соблюдаем нейтралитет. Одно могу сказать: не думаю, что наварх станет отдавать приказы официально.

– Где он сейчас?

– В своей каюте.

– А Марк?

– Здесь, в госпитале. Ему вот-вот снимут ошейник.

– Послушай, Гораций... – Флакк понизил голос. Доверительный тон у него, правда, не получился. У него никогда не получался доверительный тон. – Этот парнишка – моя последняя надежда. Только он может узнать, что произошло на Психее, кто убил Эмми. Я два года потратил, чтобы достать этого парня. И теперь ты отдашь его Корнелию?

Гораций явно нервничал.

– В конце концов, его мать была твоей сестрой, – напомнил Флакк. – Хотя ее и лишили ноши патрициев. Он – твой племянник!

– Лишь по крови. Его память – только память Корвинов.

– Ты что, отдашь его наварху? – взъярился Флакк.

– Многие считают, что род Валериев Корвинов должен прекратиться. Никто не имеет права знать столько, сколько знают они. Это слишком опасно. Для Лация.

Флакк оперся о край кровати и спустил ноги на пол.

– Все патриции, накопили слишком много тайн, – прошипел трибун.

– Только не ты, Флакк. Твои тайны известны всем. Извини. – Гораций вышел.

Дверь бокса закрылась. Будто и не было никакой двери – пузырь бокса теперь выглядел монолитом. Флакк вскочил и, волоча еще не зажившую ногу, ударил кулаком в матовую стену.

– Выпустите меня отсюда! – заорал трибун. – Немедленно. Кто-нибудь! Сейчас же! Вы слышите меня! Я знаю, что

слышите.

Ему никто не ответил. Он схватил комбраслет.

– Связь отключена, – раздался искусственный голос чипа.

Трибун вернулся и упал на кровать. Выходило, что он сам привез мальчишку на расправу.

* * *

Четыре часа ожидания. Они растянулись на целую вечность. О чем думал Марк? В принципе, ни о чем. Лишь гадал, какая наступит жизнь, когда с него снимут ошейник, и он фактически родится на свет заново. Но пользы от этих догадок не было никакой. Раб просто не мог знать, не мог представить... то, что наступит, было *невообразимо*...

Правда, до пяти лет Марк был свободным, но от тех лет остались лишь какие-то обрывки.

Пока все его ощущения – растерянность и ожидание. Страстное ожидание. Он вдруг сообразил, что, живя в усадьбе Фейра, никогда подобного не испытывал. Там все было заранее определено, так что испытывать растерянность невольник не мог, а страстно желать... чего может страстно желать раб, если свобода для него недостижима? Ах, да, он желал смерти барона. Но разве это желание? Так, ругательство, поговорка, способ притупить обиду и злость.

Свобода... вот она... сейчас...

И путь к ней лежит через эту сверкающую холодным голу-

бым светом операционную, через длинный стол из серо-голубого пластика, через набор инструментов на блестящих поддонах. Еще нарожденная свобода Марка сейчас в манипуляторах робота-хирурга, который уже зажал тонкий щуп в своем металлическом захвате. Терри направила каталку в паз хирургического стола. Зажимы защелкнулись на запястьях и ногах Марка.

Сейчас у Терри вид был торжественный, лицо за прозрачной маской отстраненное, неживое. Движения плавные и точные.

– Мы тебя обездвижим на полчаса, чтобы ты нечаянно не дернулся и не испортил всю работу. Сама процедура совершенно безопасна, но достаточно сложна.

Марк почувствовал, как что-то кольнуло его в плечо. В следующую секунду он лишился тела. Глаза его перестали моргать, язык онемел. Тут же крошечная форсунка явилась перед лицом и опрыскала глаза, чтобы они не пересыхали. При этом Марк все видел и слышал. Отчетливо слышал, как закрипели механизмы хирургического робота, увидел, как приблизился его манипулятор. Робот что-то делает с воротником. Запах паленого пластика вполне ощутим. Затем легкое потрескивание. Марк не боится. Он не может сломать себе позвонки. Он полностью неподвижен.

– Минуточку, Марк, минуточку... – повторяла Терри, на мгновение касаясь пальцем блока управления роботом и вновь отступая. – Этот ошейник не так уж прост. Осторожно,

Гай, осторожно... – это уже указания роботу. – Освобождай шунт постепенно. Вот так... Ну вот... Сейчас снимем самую накладку. Потерпи, Марк, секундочку потерпи.

Следом был какой-то странный миг, миг темноты и провала, как будто сознание Марка выключилось, но тут же включилось вновь. Форсунка вновь брызнула жидкость Марку в глаза, и сквозь пелену искусственных слез он увидел полоску грязно-коричневого пластика с мутно-серыми кругляками вмонтированных чипов и контактов; потеками красного (кровь? Но откуда?); комьями застарелой грязи, которая забивалась под ошейник и скапливалась в течение двенадцати лет; белыми хлопьями засохшего дезраствора, который заливали внутрь, чтобы на рабской шее не образовывались язвы. Вся жизнь Марка-раба отпечаталась на этой грязно-коричневой полоске. И чувство нестерпимого стыда обожгло освобожденного. Если бы он мог кричать, он бы закричал. Но он по-прежнему не двигался.

Дальше робот занялся промыванием тканей. Марк внутренне содрогнулся, представив, как должна выглядеть его шея. И мысленно поблагодарил медичку за то, что она бездвигила своего пациента.

– Шунт удален, – объявила Терри. – Сейчас законсервируем все и заклеим сверху искусственной кожей.

А робот уже подносил к шее Марка новую полосу – молочно-белую, с мягкой подкладкой, усеянной темными точками.

– Протектор будет не только поддерживать шею, но и стимулировать реабилитацию мышц, – сообщила Терри. – Уже спустя несколько дней его можно будет снять.

Новый ошейник защелкнулся на шее Марка.

Ошейник свободного человека.

“Разве у свободного может быть ошейник?” – подивился Марк.

И уснул.

* * *

Марк стоял в середине черного круга. Песок переплавлен в стекло и блестит в лучах Купидона. Именно так называется солнце этой пустынной планеты. Планета Психея. Душа... Возлюбленная бога любви. За чернотой круга – желтый песок, вдали серые скалы; черные ямины пещер, выжженных плазмой. Что здесь было прежде, и что – теперь? Пустыня... Да... Но что еще? Вокруг ни души. Белесое выгоревшее небо. Душа, иссушенная Купидоном, то бишь, любовью. Впрочем, эту звезду колонисты редко именуют Купидоном, куда чаще – Солнцем.

Роботы обнюхали каждый квадратный сантиметр плато, но ничего не нашли. И не должны были найти. Марк улыбнулся: так даже лучше. Только Марк ли это? Вернее, вопрос в другом: нынешний ли это Марк стоит посреди черного круга в неправдоподобно реальном сне? Или какой-то другой?

Из прошлого? Или, наоборот, из будущего?

Недалеко опустился легкий одноместный флайер. Зеркальная крышка блеснула на солнце, поднимаясь. На черное, оплавленное стекло выпрыгнул молодой человек в светлом комбинезоне. Загорелое горбоносое лицо. Изогнутый в дерзкой усмешке рот. Жаркий ветер пустыни треплет черные вьющиеся волосы. Защитные очки закрывают глаза. Помощник префекта Марка Ливий Друз. Откуда он знает его имя? Знает, и все... Они давно знакомы. С детства. Друзья... А префект – это он, Марк.

“Прошное... – догадался Марк. – Но не мое...”

– Мы здесь ничего не найдем, – заявил Друз, подходя. – Наварх Корнелий не скупился на плазменные бомбы.

“А то я не знаю!” – усмехнулся про себя Марк.

– Ты обследовал ближайшие оазисы? – спросил префект строго.

– Просканировал вдоль и поперек. Никаких следов. Нашел еще один черный круг. По площади куда меньше. И там тоже ничего.

“Так я и думал. Корнелий уничтожил все следы”.

(В своем сне Марк не только действовал, но и думал... как кто-то другой... невероятно...)

– Корвин, я уверен, колония неров была именно здесь! – запальчиво воскликнул Друз. – Иначе, зачем было кидать плазменные бомбы?

– А если мы обнаружим, что здесь были люди с Неронии,

что тогда? Отдадим им Психею без боя?

– Это не наше дело. Мы – следователи. И мы должны выяснить, действительно ли пассажирский транспорт “Дедал” совершил посадку на этой планете.

– На “Дедале” летели одни неры. Стоит нам признать, что они основали здесь колонию, как Нерония заявит свои права. Ты об этом подумал, Друз?

Тот не ответил, заслонился рукой от порыва ветра.

– И три миллиона наших поселенцев вынуждены будут покинуть планету. Это разве не преступление? – допытывался префект.

– Что ты предлагаешь?

Вновь порыв ветра. Песок закрипел на зубах. Марк сплюнул. (Неужели это сон? Марк ощущал не только жар пустыни, секущий ветер, песок во рту, но и противную грызущую тревогу в груди.)

– Формальные действия. Составим отчет. Напишем: никаких следов пребывания граждан Неронии на Психее не найдено. И все. Такова истина, мой друг.

– Мы просто не там искали! – воскликнул помощник префекта с азартом. – Сам посуди! Вокруг пустыня. Если здесь была колония, которую сжег Корнелий, то на этом месте прежде должен был находиться оазис, не так ли?

– Возможно, – сухо ответил Марк. Ему все меньше и меньше нравился энтузиазм Друза.

– А если так, то на кой черт им те крошечные оазисы, ко-

которые мы обследовали целый месяц? Ну посетили, один другой из интереса... Нет, Марк, они бы не стали заниматься этими островками. Они бы помчались напрямик к ближайшей реке, чтобы застолбить уже не оазис, а плодородную долину.

Марк покачал головой: сомнение он изобразил весьма правдоподобно.

– Только подумай, что ты говоришь! Помчались... Еще скажи – полетели! Даже если мы допустим, что поселенцы здесь были... даже если... – он сделал ударение на этом “если”. Во что бы то ни стало требовалось посеять в душе Друза сомнения. – Они не сообщили даже о посадке на Психее. Они просто грохнулись на планету. Так что вряд ли они могли на чем-то мчаться...

– Ерунда! – в голосе Друза не было и следа неуверенности. – Все блоки современных машин делают взаимозаменяемыми. Ты можешь снять генератор с планетолета, и он подойдет к флайеру, пусть и будет куда большей мощности. Если даже после посадки у них в распоряжении осталась груда металлолома, все равно, из уцелевших блоков можно при небольшом умении собрать одну летучку и пару машин. Перед посадкой они могли облететь планету и сделать карту... – Друз вытащил планшет с пентаценовой картой. – Я бы на их месте направился к реке. Вот она, синее, милая. Надо прогуляться вдоль русла, и – уверен, – мы кое-что там найдем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.